

Понятия современной психологии: содержание, взаимосвязи, место в системе (вместо предисловия)

*А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко,
Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская*

Во втором томе коллективного труда продолжен анализ понятий, начатый в первом томе «Разработка понятий в современной психологии», вышедшем в 2018 г. Прежде чем обратиться к содержательному анализу глав, составляющих второй том коллективного труда, кратко напомним логику и основные выводы, которые были сделаны в первой книге.

Общей целью данного двухтомного издания стала попытка обобщить современный уровень разработки понятий в психологической науке. Совокупность понятий, представленных сотрудниками Института психологии РАН, отражает те проблемные поля, которые изучаются этими учеными, т. е. не охватывает всех проблемных полей отечественной психологии. Однако эта работа дает представление о направлении поисков, разработке понятийной системы на современном этапе развития психологической науки именно в Институте психологии РАН, где сложилась своеобразная психологическая школа, представляющая синтез естественно-научного и социогуманитарного направлений в психологии.

В первом томе коллективного труда рассматривались понятия в общей теории современной психологии: *Индивидуальный и Коллективный субъект, Менталитет, Психологические отношения, Интеллект, Инсайт*; понятия в современных отраслях психологии: *Модель психического, Контроль поведения, Социальные представления, Коллективный образ будущего, Дискурс, Интенция, Дискурсивные способности, Специальные способности, Стили деятельности* и понятия в прикладных отраслях психологии: *Жизнеспособность, Субъективный возраст, Компенсация, Психологическое здоровье, Счастье, Патриотизм*. Было проведено сравнение опыта классификации понятий в отечественной психологии (К. К. Платонов, Я. А. Пономарев, Л. И. Анцыферова, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский, В. А. Петровский), показано, что в основе системной матрицы понятий А. В. Петровского

и М. Г. Ярошевского лежат идеи историко-генетического принципа построения системы понятий, высказанные К. К. Платоновым, который предложил также принцип взаимообусловленности и иерархичности понятийной системы, что было наиболее полно реализовано в матрице Петровского и Ярошевского.

Категориальная сетка воплощает принцип системности, чертой которого становятся связанность и взаимообусловленность категорий, выделение иерархии их развития, уровней нисходящего и восходящего детерминизма, соединяющего в одно целое онтогенез и социогенез психики. Авторы считают, что возможны уточнения элементов сетки, но неизменными должны оставаться принципы построения взаимосвязи категорий: «1) восхождение от абстрактного к конкретному посредством синтезирования системообразующих (ядерных) и оформляющих категорий; 2) сущность как явление и это же явление как сущность; 3) встречная детерминация психосферы со стороны биосферы и ноосферы (биогенетическая и социокультурная детерминация)» (Петровский, Ярошевский, 2001, с. 29).

Однако, несмотря на стройность и конструктивность идей предшественников, следует отметить явные трудности категоризации современных психологических понятий в их координатах, что связано с изменением общенаучных методологических принципов: с переходом от классической к неклассической и постнеклассической методологии метамодерна. Анализ данного этапа методологических изменений проделан М. С. Гусельцевой, которая отмечает, что «метамодернистская эпистемология служит удачной интегрирующей концептуальной рамкой для сетевой неструктурированности, принципа антиномий, эпистемологии сложности и латентности» (Гусельцева, 2018, с. 660). Ведущей метамодернистской стратегией является сочетание продвижения и раскачивания, что создает поле напряжения для новых научных решений, понятий, концепций, методов соотношения теории и практики, что, в свою очередь, демонстрирует ведущую роль субъекта как научного творца.

Данные тенденции развития науки позволили подойти к анализу современных понятий. В коллективном труде «Разработка понятий современной психологии» (2018) было представлено 21 понятие в трех разделах: «Понятия в общей теории современной психологии», «Понятия в современных отраслях психологии» и «Понятия в прикладных отраслях психологии».

Проведенный анализ показал, что современные понятия никак не вписываются либо лишь частично вписываются в плеяды и кластеры понятийной матрицы Петровского и Ярошевского. Они не мо-

гут быть представлены совокупностью частных понятий, образующих общепсихологические понятия в системе Платонова. Причина в том, что произошла смена методологического принципа психологической науки, т. е. состоялся переход от постнеклассического к постпостнеклассическому (метамодернизму) этапу с его сетевой неструктурированностью, принципом антиномий, эпистемологией сложности и латентностью.

Выделены отличительные особенности современных понятий. Первая — их интегративный и междисциплинарный характер. Вторая особенность проявляется не только в расширении понятия и его использовании в более широком тематическом поле, но и в изменении самого его содержания.

Третье отличие современных понятий заключается в ином типе их структурной организации. Это не отдельные понятия типа Образа, Мотива, Действия и т. п., а интегрированные понятийные образования, где имплицитно представлены многие базовые психологические конструкты, которые трудно эксплицировать как единичные. Четвертая характеристика современных понятий — их субъектность, выступающая в двух аспектах: с одной стороны, разработчика, творца понятийного анализа и, с другой — субъекта (индивидуального и коллективного). Предложена сетевая структура понятий с выделением узловых метапонятий (индивидуальный и коллективный субъект), отражающая тенденции теоретических поисков в психологии. Сеть современных понятий — новый этап развития методологии науки, этап метамодернизма с максимальной пластичностью понятийных полей, сетевым принципом их организации, иным типом построения понятий, нарастающей сложностью, динамичностью, латентностью, антиномичностью.

Представляется, что современные понятия суть аккумулярованные понятийные структуры психологической науки, которые в разной степени становятся латентными, обобщенными, создавая сложные конгломераты в виде интегративных понятий и междисциплинарных комплексов.

Необходимость издания второго тома, посвященного теме изучения понятий, была обусловлена тем, что значительное число важнейших понятий, разрабатываемых в Институте психологии РАН, не было включено в первый том. Второй том стал продолжением данной работы.

Второй том состоит из шести разделов.

Раздел 1 «Общие теоретические понятия в современной психологии» посвящен анализу таких понятий, как *ментальные ресурсы*, ко-

гнитивные ресурсы, исполнительные функции, категоризация и сравнение, уверенность, эмоциональный интеллект, понимание.

В раздел 2 «Понятия в психологии личности» включены статьи, посвященные анализу понятий психологическая сепарация, психологическая безопасность, стресс и посттравматический стресс, нравственная элита.

Раздел 3 «Социально-психологические понятия» содержит статьи, посвященные групповому отношению ко времени, групповой рефлексивности, коллективной памяти, психологическому воздействию, совместному творчеству.

Раздел 4 «Разработка понятийного аппарата в экономической психологии» состоит из работ, раскрывающих понятия субъективного экономического благополучия, предпринимательства, вторичной экономической социализации, экономической самореализации.

В разделе 5 «Психология труда и организационная психология: анализ понятий» представлены работы по психологии безопасности деятельности, субъективному качеству трудовой жизни, субъективному качеству жизни, психологии организационного лидерства.

В последнем разделе 6 «Понятия в прикладной психологии» анализируются глобальная психоманипуляция, конфликт, психологическое проектирование и психологическое состояние современного общества.

Раздел 1 «Общие теоретические понятия в современной психологии»

Раздел открывает статья *С. А. Хазовой «Ментальные ресурсы субъекта»*. Понятие ментальных ресурсов широко используется в современной психологии, в силу чего было необходимо проанализировать данное понятие и уточнить концептуальное поле его значений. Обращение к данному понятию обусловлено также методологическими изменениями фокуса исследований, переходом от дефицитов, трудностей развития и функционирования личности к способности человека преодолевать трудности, компенсировать дефициты, не только сохраняя продуктивность, но и развивая свою субъектность, несмотря на вызовы жизни. Как справедливо указывает автор, обращение к понятию ресурсов человека отмечается еще в 1970–1980-е годы, но оно остается слабо отрефлексированным и проанализированным. Незавершенность понятия ментальных ресурсов не препятствует широкой востребованности и интенсивному его изучению в самых разных областях психологии: психологии развития, позитивной психологии, когнитивной психологии, психологии личности, социаль-

ной психологии, психологии спорта, психологии труда, психологии здоровья и других областях. Именно широкое распространение этого понятия позволяет отнести его к общетеоретическим.

«В качестве ресурсов чаще всего рассматриваются когнитивные способности, личностные черты, индивидуальный опыт, в том числе опыт совладания с трудными ситуациями, социальные группы и отношения в них, условия и объекты среды и т. д.» (с. 63)¹. Понятие ресурса пришло в психологию из других наук (оно активно используется в философии, географии, геологии, экологии, информатике, экономике и других естественных и гуманитарных областях). В психологии понимание ресурсов в большей степени связывают с их функциями и делают специфический акцент на их изучении. Понятие «ресурс» употребляется в самых различных сочетаниях: «когнитивный ресурс» (В. Н. Дружинин), «интеллектуальный ресурс» (М. А. Холодная), «ресурсы контроля поведения» (Е. А. Сергиенко), «ментальный ресурс» (С. А. Хазова), «ресурсы саморегуляции» (В. И. Моросанова), «ресурсные состояния» (А. О. Прохоров, В. В. Козлов) и т. д. (Хазова, 2019). Так, в психологии развития ресурсы служат достижению устойчивости и снижению уязвимости в развитии человека. В психологии личности ресурсы выступают как сильные, ключевые черты личности, обеспечивающие успешную адаптацию к миру и выполняющие профилактическую, иммунную, «буферную» функцию. В когнитивной психологии понятие ресурсов реализуется в двух подходах – количественном и качественном. Количественный подход связан с доминированием оценок «*мощности когнитивных элементов*» (Воронин, Горюнова, 2019; Дружинин, Горюнова, 2001), энергетических, скоростных характеристик, показателей интенсивности (Бодров, 2009), определяющих способность оперировать одновременно большим количеством информации и, как следствие, определяющих успешность решения познавательной задачи. В работах М. А. Холодной реализуется представление о качественном своеобразии интеллектуального ресурса через особенности организации индивидуального ментального опыта (сбалансированное сочетание когнитивных способностей разного типа, сформированность компонентов метакогнитивного опыта, наличие индивидуальных познавательных предпочтений, интенций и т. д.). Автор утверждает, что именно наличие опыта и его своеобразие определяют продуктивность интеллектуальной деятельности (Холодная, 2002, 2012).

В психологии труда и организационной психологии также интенсивно используется понятие ресурсов, которые рассматриваются

1 Здесь и далее в скобках приводятся номера страниц данного издания.

как условие эффективности профессиональной деятельности, высоких достижений, как факторы, противостоящие стрессу и утомлению (В. А. Бодров, В. А. Толочек, Н. Е. Водопьянова, В. Орёл и др.).

В психологии стресса и совладания с ним существуют разные определения копинг-ресурсов, «под которыми в самом широком смысле понимается все то, что позволяет справиться с трудными жизненными ситуациями достаточно эффективно. Ресурсы выполняют важнейшие функции повышения стрессоустойчивости, улучшения понимания ситуации и своих возможностей совладания с ней, изменения эмоционального состояния за счет снижения силы негативных переживаний» (с. 67).

В психологии регуляции также наблюдается обращение к понятию ресурсов как индивидуальных компетенций человека, которые ведут к сознательной саморегуляции (В. И. Моросанова), как индивидуальных вариантов соотношения когнитивных, эмоциональных и волевых способностей человека на основе неосознаваемой и осознаваемой регуляции поведения (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская).

Таким образом, понятие ментального ресурса (психологического ресурса) охватывает большие тематические поля психологии, которые пересекаются в данном конструкте, направленном на анализ внутренних психических возможностей человеческого развития и жизнедеятельности.

Важным для анализа понятия становится его уточнение путем разграничение со сходными понятиями. Наиболее часто понятие ресурса используется наряду с понятиями резерва и потенциала как синонимичными в разных направлениях психологических исследований. С. А. Хазова предлагает провести некоторую демаркацию ресурсов (резервов) на уровне индивида, уровне субъекта и уровне личности.

Для выделения *резерва как психофизиологического* уровня в регуляции субъекта используются представления, сложившиеся в восточной философии, в психоаналитической теории З. Фрейда и сформированные на основе экспериментального изучения данных процессов в психологии. «Так, например, В. А. Бодров разграничивает понятия „ресурс“ и „резерв“, связывая резерв с возможностями организма, а ресурс с особенностями энергетических и информационных процессов, со степенью развития профессионально ориентированных функций, их адаптивностью, устойчивостью и компенсируемостью. Автор считает, что резервы и ресурсы регуляции различных форм активности составляют некоторый функциональный потенциал, обеспечивающий реализацию этой активности, выполнение задач, достижение заданных результатов» (с. 68). Большинство ав-

торов с понятием резерва связывает функциональные возможности организма, его органов, протекание метаболизма, мозговые функции и их динамику, что обеспечивает адаптивность систем человека как индивида, адресуется к его базовым свойствам и скрытым резервам. В процессе развития и жизнедеятельности функциональные резервы не только актуализируются, но и формируются и тренируются, обеспечивая высокую лабильность и гибкость применительно к разным условиям. Автор указывает: «С понятием „резервы“ тесно связаны понятия „функциональная надежность“, „функциональная устойчивость“, „физическая работоспособность“. Важной, с точки зрения обсуждаемой проблемы, является идея, сформулированная в разное время рядом авторов (И. А. Аршавский, В. А. Бодров, А. С. Мозжухин, И. А. Сапов, С. А. Солодков, А. А. Ухтомский), о том, что в процессе деятельности (работы) функциональные возможности организма могут экономиться, накапливаться, работоспособность повышаться» (с. 69).

На уровне субъекта выделяются *психологические ресурсы*. Сравнительный анализ определений данного понятия позволил автору выделить наиболее важные их характеристики: «доступность для субъекта и возможность использовать в необходимом случае, ограниченность, устойчивость, связь с достижением позитивных результатов (реализацией целей, удовлетворением потребностей, снижением риска дезадаптации, обеспечением эффективности жизнедеятельности), неспецифичность, но при этом релевантность ситуации, индивидуальное своеобразие, возможность восполнения и развития» (с. 70–71).

Между ресурсами и резервами существует тесная взаимосвязь, обеспечивающая возможность актуализации ресурсов за счет активизации или экономии резервов, что ведет к оптимизации регуляции жизнедеятельности.

Психофизиологические резервы, взаимодействуя с ресурсами, образуют *потенциал* человека. Понятия потенциала и ресурса часто используются как синонимы. Для их дифференциации, по мнению автора, необходимо обращение к философским категориям возможного (потенциального) и действительного (актуального). Проведя анализ философских представлений о потенциальном и актуальном, С. А. Хазова указывает на решение данного вопроса в психологических работах Б. Г. Ананьева, В. Г. Асеева, Т. И. Артемьевой, А. В. Запорожца. Так, Б. Г. Ананьев выделяет потенциалы индивидуально-психического развития, которые связываются их с «ресурсами» и «резервами» человеческой личности, такими как одаренность, специальные способности, работоспособность и т. д. (Ананьев, 1968).

Потенциальному приписывается роль сферы, детерминирующей фон актуального процесса, направляющей и создающей перспективу (Асеев, 1978).

Большинство исследователей связывают понятие потенциала с личностью (адаптационный потенциал личности, личностный потенциал, интеллектуально-личностный потенциал). Рассматривая точки зрения разных авторов на личностный потенциал, С. А. Хазова подчеркивает, что фактически данное понятие интегрирует в себе и резервы, и ресурсы человека, и чем они выше, тем выше адаптационный личностный потенциал.

Автор приводит собственное понимание соотношения всех трех понятий: «Резервы, ресурсы, потенциал включены в единый процесс регуляции субъектной активности и тем самым в сохранение и развитие субъектности. Не являясь тождественными, они могут быть отнесены к разным уровням регуляции активности субъекта: *резервы* обеспечивают энергетическую составляющую, относятся к физиологическому и психофизиологическому уровню регуляции (уровень индивида); *ресурсы* являются теми актуальными, реально действующими в конкретной ситуации внутренними условиями, которые при воздействии внешних условий, выходящих за обычные рамки и предъявляющих более высокие требования к субъекту, дают дополнительные возможности, преимущества их обладателю с точки зрения успешности поведения и деятельности (уровень субъекта); *потенциал* как возможное является „копилкой“ резервов и ресурсов человека, находящихся в латентном состоянии и актуализируемых в определенных условиях в результате взаимодействия человека с действительностью благодаря собственной активности субъекта; при этом потенциал задает и вектор реализации этих возможностей (уровень личности)» (с. 74).

Проведенный анализ соотношения понятий резерва, ресурса и потенциала позволил автору перейти к детальному рассмотрению понятия ментального ресурса. В понятии *ментального ресурса* подчеркивается прежде всего его общепсихологическое значение, это не просто когнитивный, а психический феномен. Для раскрытия психологической сущности этого феномена необходимо обращение к ментальному опыту, центральным образованием которого является способность к концептуализации (способность при обработке информации категоризировать, интерпретировать, формировать смыслы, систему представлений о мире и о себе) (Холодная, 2012). М. А. Холодная обращает внимание на тот факт, что именно благодаря концептуализации происходит интеграция и сопо-

ставление внешнего ситуативного контекста и внутренних возможностей, в качестве которых могут выступать знания, личностные свойства, состояния и т. д. (там же). Далее автор заключает: «Опираясь на эти идеи, мы считаем, что ресурсом являются не объекты среды сами по себе, а те значения-смыслы, которыми они наделяются, иными словами, в качестве ментальных ресурсов могут выступать только те объекты внутренней и внешней среды, которым сам человек приписывает ресурсную роль в определенных ситуациях и наделяет их ресурсным значением, то есть наделяет их смыслом, ценностью и связывает именно с ними появление позитивных результатов» (с. 76). Таким образом, ментальные ресурсы понимаются как механизм, позволяющий субъекту за счет процессов концептуализации событий и своих собственных психических возможностей поддерживать и развивать (регулировать) собственную активность (там же).

Данное определение ментальных ресурсов автор иллюстрирует некоторыми собственными экспериментальными примерами изучения ментальных ресурсов в разные возрастные периоды и при их истощении в условиях хронического стресса.

Приведенный анализ понятия *ментального ресурса* явно указывает на его междисциплинарный и интегративный характер, на содержание латентных базовых психологических концептов (образ, отношение, концептуализация, смысл, значение), сложную системную организацию (включение резервов и взаимосвязь с потенциалом), субъектность понятия: и как принадлежность субъекту (ресурсы субъекта), и как авторство, субъектность представлений о содержании понятия. Таким образом, характеристики современных понятий, выделенные в рамках их анализа в первом томе коллективного труда, в полной мере свойственны и понятию *ментальных ресурсов*.

Поскольку в развитии ментального опыта ключевым процессом является концептуализация, обратимся к анализу понятия категоризации как базовому процессу, позволяющему классифицировать объекты и явления мира.

В статье *В. Н. Носуленко и Е. С. Самойленко «Категоризация и сравнение в психологических исследованиях»* понятие категоризации рассматривается в паре с понятием сравнения, поскольку отнесение объектов и событий к определенной категории невозможно без установления сходства/различия между ними. Понятия категоризации и сравнения обозначают и процесс, и результат познавательного взаимодействия человека с миром (объектным и субъектным). Авторы раскрывают содержание данных понятий через анализ различных

подходов к их изучению, которые можно сгруппировать по выделению ведущих принципов анализа данных процессов. Так, согласно одной группе подходов, процесс категоризации основан на установлении сходства между объектами по признакам, по семейству размытых признаков, в рамках иерархии прототипов или по отношению к примерам (экземплярам), накопленным человеком в его жизненном опыте. Ряд исследователей утверждают наличие интуитивных, неструктурированных категорий, где процесс категоризации зависит от контекста и порождает интуитивную картину мира. Наконец, категоризация на основе сходства (т. е. сравнения) является необходимым, но недостаточным условием создания категорий. Воспринимаемое сходство по поверхностным признакам, которые не всегда являются ключевыми, но маркируют глубинные принципы построения категории, что ведет к эффективной классификации.

Авторы на основе анализа самых разных позиций предлагают свою точку зрения. «Одним из теоретико-методологических результатов анализа роли сравнения в процессах категоризации была разработка *парадигмы воспринимаемого качества*, позволившей перенести психофизическую методологию в естественные ситуации жизни и деятельности человека. В отличие от традиционного психофизического подхода, где отправной точкой анализа является „физическая модель“ внешнего события, в парадигме воспринимаемого качества сам воспринимающий субъект становится первичным генератором информации о содержании событий» (с. 107). Процесс категоризации осуществляется самим субъектом, а при сравнении выделяются субъективные «сущностные» признаки, дается субъектное описание, категориям присваивается название. Авторы полагают, что такая парадигма создает перспективу изучения процессов категоризации сложных объектов и событий естественного окружения людей.

Данное понимание категоризации и сравнения, включающее формирование и развитие понятий и категорий, необходимо сравнить с концепцией М. А. Холодной, которая полагает, что критерии понятий не могут сводиться ни к выделению существенных признаков, ни к их вербально-логическому обозначению, ни к логике их образования. На основе большого теоретического анализа и собственных исследований она выделяет концептуальные структуры носителей понятийного мышления и выделяет их психологические характеристики: многомерность, нелинейную динамику, самоорганизацию, субъектность, концептуальность, уникальность, гетерогенность, мобильность (Холодная, 2011). Общими для этих точек зрения стано-

вятся субъектность понятийного процесса, его нелинейность и несводимость к строгой иерархии признаков.

Определяя место понятий *категоризации* и *сравнения* в понятийной сети, можно обозначить как их включенность в более общее понятие *ментальных ресурсов*, так и подчиненность *индивидуальному* и *коллективному субъекту*, поскольку процесс категоризации — это психологический механизм порождения когнитивных ресурсов, субъективно репрезентирующий и структурирующий мир, который необходим не только для познания, но и для коммуникации и регуляции человеком взаимодействий и собственного поведения.

Принятие решения о сходстве или различии между объектами и событиями в процессе категоризации и сравнения включает еще один важнейший феномен — уверенность. Понятию уверенности посвящена статья *И. Г. Скотниковой «Понятие уверенности и его изучение в психологии»*. Проблема уверенности возникла в недрах психофизики и связана с проблемой обнаружения пороговых сигналов. Эксперименты обнаружили закономерный монотонный рост уверенности с ростом уровня различимости стимулов. Как отмечает автор, изучение уверенности и субъективной вероятности событий стало междисциплинарным (включая экономику, политику, социологию и другие области науки), поскольку играет важнейшую роль в вероятностном прогнозировании.

Автор проводит анализ различий между понятиями *уверенности*, *веры* и *доверия*. На основе литературного анализа проводится декаркация содержания данных понятий.

«*Доверие* — это психическое состояние, когда мы полагаемся на общепринятое или авторитетное мнение для принятия решения. Доверие в отличие от веры касается вопросов компетенции человеческого познания. *Уверенность* же есть сознание собственной силы и состоит в доверии к истинности своего знания или правоте своего дела. *Вера* имеет место тогда, когда субъект, принимая решение, лишен возможности использовать для этого объективные свидетельства, основанные на его опыте. Доверие предполагает, что объективно обоснованный способ выбора решения в принципе имеется, но субъекту он недоступен, и потому решение фактически принимается теми авторитетами, которым доверяет человек. Уверенность же отличается от доверия тем, что субъект располагает собственными возможностями по формированию и оценке объективных свидетельств, необходимых для выбора решения» (с. 119). Выделяют ситуативную и личностную уверенность. Ситуативная уверенность в решении может быть сенсорно-перцептивной (в соответ-

вующих задачах) и когнитивной (в опросниках и тестах). В. Г. Ромек дал обобщающее определение уверенности. Это генерализованное позитивное отношение индивида к собственным навыкам, умениям и способностям, т. е. принятие себя. Он выделяет в составе уверенности в себе три основных компонента: самооффективность, эмоциональный и поведенческий компоненты. На основе теоретического анализа и исследований И. Г. Скотникова выделяет функции уверенности: прогноз, контроль и оценка субъективной эффективности и адекватности решений, действий, целостной деятельности и поведения, личностных проявлений человека. Охарактеризованы соотношения между уверенностью, с одной стороны, и временем решений, их правильностью, индивидуальными особенностями человека, с другой. Рассмотрена проблема реализма уверенности и межкультурные различия в нем. Отмечается несоответствие между объективной правильностью решений и субъективной уверенностью в ней: недостаточная, либо чрезмерная уверенность. Изучение данного несоответствия необходимо для коррекции типичных искажений. В тех видах деятельности, которые связаны с принятием решений при неопределенности, подобные искажения могут вызвать серьезные ошибки с тяжелыми последствиями. Это обуславливает как продолжение изучения этого феномена, так и необходимость его математического моделирования, позволяющего прогнозировать принятие решений с учетом уверенности/неуверенности человека. «В силу этих причин в настоящее время исследования уверенности интенсивно развиваются в психологии. В условиях неопределенности уверенность нередко является единственным средством субъективного прогноза и контроля эффективности принимаемых решений» (с. 145). В феномен уверенности вносят существенный вклад культурные особенности. Сравнительный анализ когнитивной и сенсорно-перцептивной уверенности показал, что русские часто уверены в когнитивных суждениях, даже когда они не правы; а немцы чаще сомневаются, когда не правы, т. е. сверхуверенность в когнитивных и сенсорных суждениях наиболее свойственна русским, по сравнению с другими изучавшимися национальными выборками (там же).

Подводя итог большой аналитической работе по изучению феномена уверенности, автор дает более общее определение: «Уверенность — это принятие себя, своего поведения, своих решений как правильных, адекватных» (с. 126).

Понятие *уверенности* на основе представленного анализа также является интегративным (включает субъективные, личностные временные, входит в состав принятия решений как ключевого компо-

нента любой деятельности и поведения человека). Показаны также эволюционно ранние формы становления уверенности как индивидуально-типичной характеристики выбора (принятия решений). Понятие уверенности возникло в психофизических исследованиях, становясь мультидисциплинарной областью исследований, т. е. происходит экспансия понятия, существенное расширение тематических полей его изучения. Функциональное значение уверенности также приобретает универсальное и общепсихологическое значение в вопросе о соотношении субъективного знания и отношения к реальному существующему окружению. Уверенность в принятии решений взаимосвязана как с процессом категоризации и сравнения, так и с пониманием ментальных ресурсов, что максимально индивидуализировано в структуре субъекта и обеспечивает отношения с другими субъектами, т. е. опосредованно связано и с понятием коллективного субъекта. Понятие уверенности – интегративное понятие, вбирающее в себя и возможности когнитивного анализа ситуации, уверенности в его оценке, отношение к воспринятому, уверенности выбора, принятия решения, прогноз вероятности и последствий принятого решения, отношения к себе и другим мнениям и суждениям, культурные установки и традиции, индивидуально-личностные и субъектные характеристики.

Понятие Ментальных ресурсов взаимосвязано даже в большей степени с понятием когнитивных ресурсов, чем с понятиями категоризации и уверенности, которые включены в оба эти понятия как необходимые составляющие.

В работе *А. Н. Воронина и Н. Б. Горюновой «Структурно-функциональная модель когнитивного ресурса»* предложен анализ данного понятия. Определяя его специфику, авторы прежде всего обосновывают необходимость его введения отсутствием общепринятой концепции интеллекта, что определило попытку обоснования конструкта «когнитивный ресурс» в контексте общих способностей. «Допуская, что в основе g-фактора лежат латентные свойства когнитивных функциональных систем, мы допускаем, что ядро этих свойств и составляет когнитивный ресурс индивида» (с. 156). В. Н. Дружинин ввел понятие «когнитивный ресурс», расширив его значение до обозначения «протоспособности» когнитивной сферы – общего базиса, основания интеллекта в самом широком понимании. Данный конструкт служит основанием для поиска объяснения фактора g. В самом общем виде когнитивный ресурс был определен через множество когнитивных элементов, которые одновременно используются человеком в процессе переработки информации. Авторы ста-

ты, продолжая разработку данной идеи, полагают, что существует ограниченное количество базовых характеристик, определяющих метрику когнитивного ресурса – временные и емкостные: время доступа к когнитивным элементам, число когнитивных элементов и мера их связанности. «Собственно „когнитивный ресурс“ рассматривается как инфраструктура познавательных способностей, в первую очередь интеллекта и креативности» (с. 162). Авторы считают, что когнитивный ресурс «обуславливает проявление общих способностей (психометрического интеллекта, креативности и обучаемости), которые в свою очередь соотносятся с успешностью в таких сферах человеческой активности, как профессиональная деятельность, творчество и обучение» (с. 165). Актуализация и конфигурация когнитивного ресурса сопряжены как с внутренними, так и с внешними факторами. В качестве внутренних авторы выделяют личностные и интенциональные структуры. В зависимости от характеристик среды меняется и конфигурация реализуемых когнитивных ресурсов. «В случае высокой неоднородности среды возрастают требования к интеллекту. В ситуации постоянной изменчивости повышается необходимый уровень креативности. При высокой степени информационной избыточности возрастают требования к когнитивному ресурсу и интуиции» (с. 165–166).

Авторы иллюстрируют свою концепцию тремя моделями, которые дают представление о структуре и функциях когнитивных ресурсов, их месте в общих способностях, а также соотношении типов среды и востребованности когнитивных ресурсов. Концепция когнитивного ресурса дает новую интерпретацию общего интеллекта (g-фактора) и его роли в индивидуальной и совместной интеллектуальной деятельности.

Авторы подчеркивают, что данная концепция, описывающая новое понимание когнитивных ресурсов, нуждается в дальнейшей проверке как по вопросу о критериях когнитивных ресурсов индивидуального и коллективного субъектов, так и по вопросу о соотношении их конфигурации в зависимости от типов среды. «Сам по себе теоретический конструкт „когнитивный ресурс“ не может быть использован в эмпирических исследованиях. Требуется его верификация, позволяющая использовать косвенные методы измерения данного конструкта через его операциональные дескрипторы, в которых обнаруживается его общее свойство – симультанное „схватывание“ некоторого множества элементов ситуации, удержание этого множества в фокусе внимания и оперирование им» (с. 162). Авторы также определяют место когнитивного ресурса относительно мен-

тального ресурса, контроля поведения и личностного потенциала. Когнитивный ресурс «определяет возможности человека решать разнообразные задачи и через них познавать мир в целом», т. е. речь идет о когнитивной составляющей в структуре психической организации человека.

Понятие когнитивного ресурса, безусловно, можно отнести к типу интегративных, оно включает в себя различные когнитивные процессы и свойства, личностные, интенциональные и средовые факторы, тем самым выходя за рамки узкокогнитивного анализа. Этот конструкт тесно взаимосвязан с понятием ментальных ресурсов, категоризации и сравнения (как когнитивных процессов), уверенности (как когнитивно-личностного образования) и входит в состав метапонятий индивидуального и коллективного субъектов.

Тесно связаны с феноменом и понятием когнитивных ресурсов исполнительные функции, которым посвящена статья *Г. А. Виленской*. Исполнительные функции – современное понятие в психологии, которое интенсивно используется в работах зарубежных и отечественных исследователей. Исполнительные функции рассматриваются как основа саморегуляции. В состав исполнительных функций, как правило, включаются рабочая память, когнитивная гибкость, контроль импульсивности или способность к отторжению первого, импульсивного побуждения. Они тесно связаны с процессами саморегуляции и рассматриваются как основа способности к самоконтролю. В составе исполнительных функций выделяются «холодные» – чисто когнитивные – и «горячие» – аффективно заряженные, связанные с рискованным поведением, надеждой на вознаграждение и т. п.

Сам термин «executive function» был предложен Мюриэл Лезак в 1982 г. Как отмечает автор, наблюдается разная интерпретация данного термина: «исполнительные функции», «управляющие функции» и даже «функции управления изменением поведения» (с. 175). Объединение данных функций в систему управления восходит к работам А. Р. Лурии, его структурно-функциональной теории деятельности мозга. Он выделил в мозге блок программирования, регуляции и контроля за протеканием психической деятельности, который включает моторные, премоторные и префронтальные отделы коры лобных долей мозга. Основная его функция – произвольная регуляция всех видов деятельности. Отсюда исходит представление об управляющих функциях познавательных процессов и деятельности. Однако в состав любой деятельности и поведения с необходимостью включены рабочая память, когнитивная гибкость и контроль импульсив-

ности, причем разной степени выраженности на произвольном и непроизвольном уровнях, следовательно, выделенные функции скорее являются исполнительными для достижения определенной цели или результата, намеренно или ненамеренно. Значительные усилия в выявлении мозговых механизмов исполнительных функций привели к представлению об их системной организации, включая корково-подкорковые образования, что свидетельствует о возможностях произвольной и непроизвольной регуляции.

Путем разграничения «холодных» и «горячих» исполнительных функций расширяется понятие когнитивной регуляции эмоций. «Холодные» исполнительные функции объединяют сугубо когнитивные навыки, логическое мышление, «горячие» же задействуются, когда решение задачи предполагает какую-то аффективную включенность (чувствительность к вознаграждению, вероятность изменения рискованного поведения). К «горячим» исполнительным функциям относят также организацию социального понимания и самопонимания, иногда «модель психического, эмоциональный интеллект, моральные суждения и другие тесно связанные с ИФ, но не тождественные им, умения (что приводит к неоправданному расширению понятия ИФ, с одной стороны, и к упрощению понимания себя и другого, сведения его только к регуляции – с другой стороны)» (с. 181–182).

Анализируя развитие исполнительных функций, автор показывает широкую палитру исследований, приводящих к довольно противоречивым результатам, но ясно указывающих на изменение соотношения различных исполнительных функций в разные периоды онтогенеза человека.

Обсуждая соотношение понятия исполнительных функций с другими, автор подчеркивает сложность дифференциации исполнительных функций от других конструктов в силу отсутствия консенсуса о составе и взаимодействии исполнительных функций. Так, показаны взаимопересечения кристаллизованного и флюидного интеллекта, креативности с исполнительными функциями, но доказательства их взаимосвязей – противоречивы. Исполнительные функции имеют широкие пересечения с понятием саморегуляции, но вовлекаются они только тогда, когда саморегуляция произвольна, т. е. человек целенаправленно изменяет свое поведение для достижения цели.

Исполнительные функции можно рассматривать как операциональное обеспечение когнитивной регуляции поведения. Контроль поведения как регулятивная функция субъекта (Сергиенко, Виленская, 2018) включает не только когнитивный компонент регуляции,

но и эмоциональный и волевой в рамках единой системы саморегуляции человека. Представляется, что все эти компоненты в акте регуляции действуют совместно и одновременно, хотя в каждой конкретной ситуации, на каждом этапе развития их соотношение может меняться. Выделение чисто когнитивных, «холодных» регуляторных функций возможно только в качестве модели, некоторого приближенного упрощенного описания процесса психической регуляции поведения. Следовательно, исполнительные функции можно рассматривать как операциональные показатели контроля поведения, что и реализуется в исследованиях автора.

Перспективами развития данного понятия становится как дальнейший теоретический анализ содержания понятия, развития исполнительных функций, так и экспериментальное изучение их развития в онтогенезе, разработка непротиворечивых методов их изучения, исследование кросс-культурных и половых различий.

Представленный анализ свидетельствует о том, что понятие исполнительных функций относится к зонтичным понятиям, объединяющим различные когнитивные функции, т. е. является интегративным понятием, которое как современное понятие исследователи пытаются применить к обобщенным моделям и методам изучения когнитивных ресурсов и способностей. Тематическое поле понятия достаточно широкое и пересекается как с когнитивными, так и с социально-эмоциональными процессами, что делает его еще более перспективным.

Нельзя не отметить, что понятие исполнительных функций может быть включено как в более общие тематические поля, связанные с понятиями когнитивных и ментальных ресурсов, так и в более узкие и входящие в них понятия категоризации и уверенности.

Понятие эмоционального интеллекта также может быть отнесено к ментальным ресурсам, поскольку включает в себя способности человека распознавать и интерпретировать эмоции, использовать их для усиления мыслительной деятельности, контролировать собственные эмоциональные состояния и состояния других людей. В работе *Е. А. Сергиенко «Эмоциональный интеллект — разработка понятия»* представлены история его возникновения, структура и функциональные возможности, сравнение данного понятия с социальным интеллектом, моделью психического и феноменами социального познания.

Понимание концепции эмоционального интеллекта требует рассмотрения двух составляющих этого термина — интеллекта и эмоций. Начиная с XVIII в. в психологии общепризнанным стало деле-

ние психики на три относительно независимые друг от друга области: мышление, эмоции и волю. Познание включает восприятие, память и способность решать проблемы. Познание непрерывно и осуществляет гибкую, намеренную обработку информации, основанную на научении. Понятие интеллекта типично используется психологами для характеристики того, насколько хорошо функционирует когнитивная сфера: способности выделения понятий, их комбинирования, действия с ними, позволяющие строить суждения и приходиться к абстрактным умозаключениям. Эмоции принадлежат ко второй, так называемой эмоциональной сфере психического функционирования, которая включает собственно эмоции, настроения, оценки и другие чувственные состояния, к ней же относятся усталость или энергичность. Эмоции развиваются у человека и в целом у млекопитающих. Их назначение – отвечать на изменения в отношениях между индивидом и окружающей средой. Эмоции не подчиняются четкой линии поведения, но вместо этого отвечают на внешние изменения в отношениях (или изменения их субъективного восприятия). Кроме того, каждая эмоция порождает несколько основных поведенческих ответов на отношения; например, страх вызывает желание бороться или бежать. Эмоции поэтому более гибки, чем мотивация, хотя и не столь гибки, как познание. Воля связана с сознательной целеустремленностью человека, с преднамеренностью его поступков и действий, т. е. с мотивацией. Она подразумевает самостоятельность человека не только в принятии решений, но и в инициации действий, их осуществлении и контроле. Часто о воле говорят как о произвольном управлении, подразумевая ее неразрывную связь с разумом, мышлением и противопоставляя эмоциональному, спонтанному. Определения эмоционального интеллекта должны некоторым способом соединять эмоции с интеллектом при сохранении специфических значений этих двух терминов. За последние более чем 30 лет множество работ было посвящено взаимодействию эмоций и познания. Эмоция, как известно, изменяет мышление многими способами. Например, настроение людей может изменить ход их мысли.

Эмоциональный интеллект понимается как способность распознавать значения эмоциональных паттернов, рассуждать и решать проблемы на их основе.

Сравнивая понятия Эмоционального и социального интеллекта, следует указать на их пересечения в области понимания и различения эмоциональных состояний для адекватного социального взаимодействия, но существуют и различия. Коммуникативный по-

тенциал эмоционального интеллекта направлен преимущественно на продуцирование и осмысление собственных эмоциональных переживаний относительно ситуаций межличностного общения, тогда как возможности социального интеллекта ориентированы на коммуникативное взаимодействие. Конструкт «модель психического» тесно взаимосвязан с категорией *социальный интеллект и эмоциональный интеллект*. Социальный интеллект определяется как совокупность ментальных способностей, отвечающих за обработку социальной информации и способствующих успешности межличностного взаимодействия. Социальный интеллект включает такие способности, как оценка социальных ситуаций, запоминание имен и лиц, распознавание ментальных состояний человека, чувство юмора, социальная компетентность, владение социальной информацией.

Актуализация эмоционального интеллекта происходит в сфере эмоционального общения (эмоциональное отношение, эмоциональное воздействие), социального интеллекта – в сфере межличностного общения; для эмоционального интеллекта коммуникация является стимулом, для социального интеллекта – целевым предназначением.

Таким образом, важнейшее понятие эмоционального интеллекта как когнитивно-эмоционального ресурса человека, можно отнести к частным понятиям. *Эмоциональный интеллект – интегративное понятие*, объединяющее способность понимать и интерпретировать эмоции (свои и других людей), использовать и регулировать эмоции для адаптивного поведения, что означает соединение аффекта и интеллекта в едином конструкте.

В работе Е. А. Сергиенко показано, что относительно новый для психологической науки конструкт – эмоциональный интеллект – получил значительное распространение в разных отраслях психологической науки и практики. Показаны возможности реализации понятия эмоционального интеллекта в прикладных программах оценки эффективности бизнеса и профессиональной деятельности человека и создании образовательных программ социально-эмоционального развития. Разработка данного понятия требует теоретических и методических усилий. В работе описаны варианты методических поисков, адаптации и создания тестов оценки эмоционального интеллекта.

Представляется, что эмоциональный интеллект относится к ментальным ресурсам человека, поскольку обеспечивает понимание себя и людей и управление собственными состояниями, поведением.

Завершает раздел I, посвященный анализу общетеоретических понятий, исследование наиболее общего и значимого для психоло-

гической науки понятия «понимание». В статье *В. В. Знакова «Понимание: интерпретация действительного и прогнозирование возможности»* автор раскрывает его содержание через критериальные признаки и функциональные возможности. Прежде всего аргументируется невозможность представить определение понятия, поскольку в разных науках и подходах имеются собственные области научного описания, т. е. оно отличается полисемантической и междисциплинарностью. «В психологической англо- и немецкоязычной научной литературе представлены, по меньшей мере, семь контекстов, в которых употребляется термин „понимание“: методологический, когнитивный, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и экспериментально-психологический» (с. 255). Например, в когнитивной психологии понимание и решение возможно тогда, когда внешняя структура задачи согласуется с внутренней ее репрезентацией при наличии определенной организации структур знаний и умении оперировать ими. Для психолингвистики понимание происходит в результате трансформации поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, отражающую суть высказывания. В логике понимание рассматривается как способность к умозаключениям, где конкретное выражение непротиворечиво включается в более общую логическую систему, образуя его связи с элементами системы.

Автор предлагает «описание сути понимания посредством экспликации его главных категориальных признаков: выхода за непосредственные границы содержания понимаемого и соотнесения предмета понимания с ценностно-нормативными представлениями понимающего субъекта о должном» (с. 258).

Раскрывая главные категориальные признаки, автор поясняет, что понимание заключается в постижении смысла понимаемого помимо его конкретного предметного содержания. «Понимание — это процесс и результат порождения смысла понимаемого. А смысл для нас проявляется в том, что это наше познавательное и эмоциональное отношение к объекту понимания» (с. 259). При этом данный процесс порождения смысла относится не только к предметному, но и социальному миру.

Второй отличительный признак понимания состоит в соотнесении понимаемого с ожиданиями, представлениями о должном порядке, что означает соотнесение с ценностными представлениями понимающего субъекта. Ценностные представления включают принимаемые им социальные, групповые, моральные и другие нормы организации мира вещей и людей. При расхождении понимаемого

с ожидаемым возникают трудности с пониманием ситуации. «Понятое знание о мире обязательно включает представление понимающего субъекта о том, каким должен быть мир» (с. 259).

Описывая условия понимания, автор анализирует необходимость включения понимания в процесс мышления, хотя функции этих процессов различны: мышление — постижение нового, решение задач, понимание — проникновение в смысл события. Прогнозирование также включено в условие понимания, поскольку предполагает сравнение понимаемого с ожидаемым. Мнемические процессы также являются важнейшими условиями понимания, т. е. понимание сопоставляется с теми знаниями и опытом, которым наделен субъект.

Описывая неоднородность внутреннего мира человека, В. В. Знаков выделяет три реальности — эмпирическую, социокультурную, экзистенциальную, психологическое описание которых у субъекта различно. «В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной — мнение и смысл, в экзистенциальной — переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение» (с. 257).

Далее автор останавливается на особенностях трех типов понимания, характерных для трех типов реальности. Понимание-знание, характерное для *эмпирической реальности*, преимущественно изучается в когнитивной традиции психологических исследований понимания (с. 266).

Анализ знаний, необходимых для понимания, — это распространенный методический прием в когнитивных науках. Выявляются знания о закономерных, повторяющихся событиях и явлениях. Закономерности в когнитивной психологии нередко отражаются в моделях. При этом считается, что понимать факт, событие или явление — значит иметь его рабочую модель. Ключевая роль при построении моделей отводится конструкту «ментальная репрезентация». Понимание-знание есть оперирование значениями предметов, событий и явлений. Значение имеет конвенциональную, социокультурную общность, а, следовательно, «психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл» (там же).

Социокультурная реальность возникает в результате взаимодействия содержаний индивидуального и группового сознания. Применительно к социокультурной реальности преобладает герменевтическая

традиция психологических исследований понимания. Осмысленное понимание, т. е. порождение смысла, является атрибутом не только индивидуального, но и коллективного сознания, продуктом меж- и надындивидных или интересубъективных отношений. В отличие от понимания-знания понимание-интерпретация многовариантно, содержит возможность разнообразия и основано не только на фактах или событиях, но и на нормах и представлениях о правильном описании мира.

Анализируя *экзистенциальную реальность*, автор указывает на невозможность понимания психологических проблем по типу понимания-знания. «В отличие от аналитического познавательного знания, лежащего в основе понимания фактов эмпирической реальности, экзистенциальный опыт недизъюнктивен, целостен. Он определяет личностное отношение и понимание определенных ситуаций человеческого бытия» (с. 278). Основой такого типа понимания становятся переживание и опыт, которые интегрируются в едином процессе. Данный тип понимания автор определяет как постижение, выделяя его отличительные черты. Понимание-постижение не направлено на простые вопросы, оно связано со сложными явлениями и объектами, «требующими для своего понимания усилий, проникновения в их глубинные свойства... Понимать можно и простое, и сложное, а постигать — только сложное» (там же). Постигание — это целостное схватывание сути, тогда как детали и части могут остаться без понимания. В понимание-постижение включено и понимание не поддающегося проникновению в познании другого человека или себя.

Автор заключает: «Аналитическая дизъюнктивность представленных теоретических оснований психологии понимания не означает невозможности исследования всего континуума проявлений этого феномена — от полностью осознанного вербализуемого до бессознательного интуитивного» (там же).

Понятие понимания раскрывается не как единичное, а как интегрирующее три типа: понимание-знание, понимание-интерпретация и понимание-постижение, которые охватывают собой фактически все психологические проблемы от метапонятий индивидуального и коллективного субъекта до общетеоретических психологических понятий: *ментальные ресурсы, когнитивные ресурсы, модель психического, эмоциональный интеллект* и включенных в них понятий когнитивной психологии, таких, как *категоризация, уверенность, исполнительные функции, интеллект* и мн. др. Именно проблемы понимания включают в себя основные категории и конструкты психологической науки, мультидисциплинарный и полипарадигмальные подходы, со-

здавая значительные перспективы в психологических исследованиях понимания человека в мире как субъекта познания, отношения, саморазвития и самодетерминации, что знаменует переход не только к интегративным понятиям, но и попыткам построения унитарной модели человека как субъекта бытия.

Раздел 2. Понятия в психологии личности

Характерной чертой исследований, которые в настоящее время проводятся в Институте психологии РАН в области *психологии личности*, является их неразрывная связь с фундаментальными работами известных ученых прошлых лет – С.Л. Рубинштейна, Л.И. Анцыферовой и др., стоявших у истоков развития этой области психологии в Академии наук СССР (РАН) (Анцыферова, 1994, 2006; Рубинштейн, 1997). В статьях и монографиях, изданных ранее, были поставлены философско-психологические проблемы человека и мира, жизни и смерти, сознания и самосознания, проблема свободы личности и ее нравственного становления и развития, вопросы, связанные с пониманием сложной природы отношений между Я и Другим, отношений личности к самой себе. Сохраняя такую преемственность тематики, современная психология личности продолжает развиваться в соответствии с новыми социальными запросами, которые формулируются с целью получения конкретных знаний о *реальной личности* (Абульханова-Славская, 1999; Психологическая наука..., 1997): ее ценностях, нравственных ориентирах, повседневных трудностях и экстремальных событиях жизни, способности развиваться в разных жизненных обстоятельствах (Воловикова, Джидарьян, 2018; Джидарьян, 2013; Мустафина, 2018; Тарабрина и др., 2017).

Логика и темпы развития науки определяются, в частности, необходимостью уточнения и дифференциации научных понятий, важностью обоснования введения в понятийный аппарат науки новых категорий. Современная психология личности и сопряженные с ней области знания, такие как общая, социальная, клиническая психология, не являются исключением. Остро стоит вопрос о более точной дефиниции и дифференциации ряда понятий: *повседневный, травматический и посттравматический стресс*, о правомерности использования в психологии общенаучных понятий *безопасность* и *сепарация*, *нравственная элита*, обозначение и использование которых нуждается в дополнительном обосновании, уточнении, систематизации.

Закономерность разработки именно этих понятий в современной психологии личности объясняется синтезом номотетического и идеографического подходов к изучению психологии человека и возрастающим требованием более точной категоризации анализируемых процессов с целью интеграции фундаментальной и прикладной науки.

Указанная тенденция нашла отражение в статье *Н. В. Тарабриной «Стресс и посттравматический стресс: дифференциация понятий»*, посвященной теоретико-эмпирическому обоснованию правомерности разделения терминов «стресс», «травматический, интенсивный и посттравматический стресс». С привлечением результатов исследований других авторов и систематизации большого массива данных верифицируется предположение о принципиальных различиях в проявлении повседневного и травматического стресса и его психологических последствий. Информативно представлена история разработки критериев выделения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в известных классификаторах болезней (МКБ – Международная классификация болезней и DSM; Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам) в разных редакциях (МКБ-10, DSM-III, DSM-IV и др.), обоснована необходимость использования понятия «посттравматический стресс» (ПТС), предложенного для обозначения симптомокомплекса, характеристики которого отражают, прежде всего, нарушение целостности личности в результате психотравмирующего воздействия стрессоров высокой интенсивности. Сопоставление результатов многочисленных эмпирических исследований, которые в течение более двадцати лет проводились под руководством автора статьи, позволили верифицировать правомерность выделения особой области исследования – посттравматического стресса и критериально обосновать необходимость использования нового научного понятия. В статье приведены весомые доказательства важности изучения психологической картины травматического, посттравматического и повседневного стресса, продемонстрировано сходство и различия в переживании воздействия разных стрессоров и показано, что только высокий уровень ПТС коррелирует с клинической картиной ПТСР.

Расширение спектра техногенных и антропогенных угроз в современном мире переживается человеком как состояние небезопасности. Статья *Н. Е. Харламенковой «Понятие психологической безопасности и его научные дефиниции»* посвящена проблеме безопасности и ее обоснованию как психологической категории. В статье проводится историко-психологический и методолого-теоретический ана-

лиз проблемы психологической безопасности человека. Показано, что это понятие используется в психологии как синоним слова «защищенность» и в основном ассоциируется с переживанием личности по поводу внешних угроз и опасности. Автор обосновывает необходимость введения в понятийный аппарат психологической науки специального термина «психологическая безопасность». Выделены разные аспекты психологической безопасности, такие как чувство безопасности, потребность в безопасности, стремление к безопасности. В качестве методологических оснований исследования психологической безопасности определены принципы психологии субъекта. Разработанная теоретическая модель психологической безопасности, основными составляющими которой стали теоретические конструкты «позитивное окружение», «опытность и информированность», «внутренний комфорт», и ее научное обоснование позволили подтвердить необходимость использования термина «психологическая безопасность» в качестве научного понятия. Понятие психологической безопасности рассмотрено в сопоставлении с другими – психологическим благополучием, жизнестойкостью, самохранением и иными понятиями, определены перспективы исследования проблемы безопасности в психологии.

Современные исследования в области психологии личности планируются с учетом понимания и оценки социального контекста, особенностей среды, в которой функционирует личность (Гришина, Костромина, Мироненко, 2018; Дом как жизненная среда..., 2016). В работах сотрудников Института психологии РАН смысловое пространство личности, соотносится с ценностями, нравственными ориентирами, идеалами, причем не только с предпочтениями самой личности, но и с моральными установками ее окружения. В статье *М. И. Воловиковой и А. Л. Журавлева «Понятие „нравственная элита“: предпосылки выделения и некоторые итоги разработки»* рассматривается проблема сохранения и передачи нравственных ценностей, культурных традиций и норм людьми, обладающими особыми жизненными установками и качествами, такими как бескорыстие, доброта, чувство собственного достоинства, уважение к человеческой личности. Обращаясь к работам и жизненному опыту Д. С. Лихачева, авторы статьи отмечают, что такие качества присущи небольшой совокупности людей, способных к воспроизводству ценностной системы общества и ее передаче от поколения к поколению. Авторы отмечают, что в отличие от термина «подлинная интеллигенция», который часто использовали для выделения группы людей с высокими моральными принципами, занятых определен-

ным видом деятельности и имеющих высокий уровень образования, понятие «нравственная элита» применяется с целью категоризации людей с разным социальным статусом и уровнем образования, но обладающих нравственным авторитетом. Теоретический анализ проблемы исследования соотносится с эмпирической верификацией выдвинутых в статье предположений, которая проводится на выборке респондентов, достигших высокого профессионального и общественного статуса. В целом отмечается, что к нравственной элите следует относить людей, достигших высокого уровня развития нравственных качеств, а также успешно проявляющих эти качества в сфере человеческих отношений. В качестве перспективного направления исследования, в частности, называется разработка понятия «нравственный интеллект».

В статье *Н. Е. Харламенковой* «*Психологическая сепарация: феномен, понятие, концепция*» представлен историко-психологический анализ проблемы психологической сепарации, выделен ряд терминов, используемых для обозначения отдельных проявлений сепарации в разных теоретико-эмпирических направлениях – в классическом психоанализе, аналитической психологии, теории объектных отношений, психологии научения и др., в ряде современных научных исследований. Автор показывает, что под психологической сепарацией чаще всего понимают изменение структуры отношений, сложившихся между близкими людьми, потерю поддержки, опоры, надежного партнера и спутника. В меньшей степени рассматривается тема так называемой внутренней сепарации в ее позитивном аспекте, благодаря которому раскрывается способность человека отказываться от всего того, что стало препятствием на пути дальнейшего развития и открывать в себе новые возможности. Обоснованность использования понятия «психологическая сепарация» подтверждается в статье разработкой теоретической модели данного феномена и доказательством устойчивости его существенных признаков вне зависимости от ракурса его изучения. Основные положения авторской модели психологической сепарации (Харламенкова, Кумыкова, Рубченко, 2015) позволили системно представить разнообразие видов и механизмов сепарации в контексте отношений Я с Миром. Анализ особенностей рассматриваемого феномена на разных этапах онтогенеза показал универсальный характер его проявления на всем протяжении жизненного цикла. Дифференциация понятия «психологическая сепарация» и других научных терминов подтвердила правомерность его включения в категориальный аппарат психологической науки.

Раздел 3. Социально-психологические понятия

Третий и четвертый разделы книги посвящены рассмотрению понятий в социальной и в экономической психологии – раздел 3 «*Социально-психологические понятия*» и раздел 4 «*Разработка понятийного аппарата в экономической психологии*». Эти разделы связаны между собой тематически, поскольку процессы, изучаемые экономической психологией, происходят в социальной среде, имеют социальный характер и генезис.

Понятия, анализируемые в этих разделах, имеют те же особенности, которые были выделены для современных понятий, вошедших в предыдущую книгу. В первую очередь, они характеризуются *междисциплинарностью*, причем если для социально-психологических понятий, вошедших в эту книгу, характерна междисциплинарность в большей степени «внутрипсихологическая», то для понятийного аппарата экономической психологии – и «внешнепсихологическая», что объяснимо исходно междисциплинарным характером этой отрасли психологии, возникшей на стыке психологии, экономики, социологии и других наук.

Если говорить о сетевом характере современных понятий, то, безусловно, понятия этих разделов книги тяготеют к метапонятию «коллективного субъекта». Однако и категория индивидуального субъекта вносит свой вклад в рассмотрение содержания тех или иных понятий.

Собственно, если говорить о понятиях раздела 3 «Социально-психологические понятия», то практически все они исходно в психологии разрабатывались в рамках рассмотрения индивидуального субъекта (психологии личности, когнитивной психологии и т. д.) – это, например, *рефлексивность, память, творчество*. Психология отношения ко времени тоже исходно анализировалась на уровне отдельного человека. Однако в последние годы логика развития науки привела к тому, что все эти феномены (процессы) должны быть рассмотрены и на уровне группы, коллективного субъекта.

В статье «*Групповое отношение ко времени*» Т. А. Нестик, однако, исходит из исследований представления о времени в рамках экономической психологии, психологии организации. Он отмечает наличие двух принципиально различных теоретических подходов, называя их условно ньютоновским и конструкционистским. В рамках первого время рассматривается как абсолютная (объективная) данность, которую группы могут так или иначе использовать, второй же исходит из социальной природы времени, и в рамках этого подхо-

да время конструируется группой в процессе совместной деятельности. Именно эта концепция сменила «ньютонианскую», и в этом подходе уже можно проследить черты современных понятий – некий прототип субъектности.

Автор выделяет несколько направлений в изучении группового отношения ко времени: системно-динамическое, ресурсное, коммуникативное, кросс-культурное, коммеморативное, визионерское и футурологическое. Далее он предлагает свой собственный социально-интегративный подход. Т. А. Нестик определяет групповое отношение ко времени следующим образом: *«осознаваемые в той или иной степени, относительно устойчивые особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени, которые характерны для членов определенной социальной группы»* (с. 382). Сравнивая индивидуальное и групповое отношение ко времени, он выделяет одни и те же компоненты – ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные и конативные, однако в обоих случаях отношение ко времени имеет свою специфику. Важным является отношение ко времени как к ресурсу. Это, однако, характерно не только для группового, но и для индивидуального отношения ко времени.

Говоря о *субъектном характере* современных понятий, необходимо отметить, что, по словам Т. А. Нестика, в тех областях социальной психологии, где проблема времени изучается наиболее интенсивно, фокус интереса исследователей отчетливо смещается с анализа объективного времени на его субъективный характер, на то, как люди в реальных группах конструируют время, воспринимают и осмысливают его, используют его в качестве ресурса.

Автор выделяет различные уровни анализа отношения ко времени в группах, отмечая различную концептуальную и эмпирическую изученность этих уровней в современной социальной психологии.

Интегративность понятия «групповое отношение ко времени» проявляется в охвате различных компонентов на разных уровнях. Среди базовых психологических конструктов, которые имплицитно в него включены: память, образ, рефлексия, ресурс, идентичность и др.

Следующее понятие рассматривается в статье *А. Л. Журавлева и Т. А. Нестика «Групповая рефлексивность»*. Это понятие тесно связано как с предыдущим – групповым отношением ко времени, так и с последующим – коллективной памятью. Наличие групповой рефлексии является одним из необходимых условий формирования группового отношения ко времени, а коллективная память, будучи одним из составляющих когнитивного и/или конативного компо-

нента группового отношения ко времени, оказывается одним из необходимых условий формирования и осуществления рефлексии (как групповой, так и индивидуальной). На примере рассмотрения этого понятия можно наблюдать расширение и изменение содержания такого достаточно хорошо известного в психологии понятия, как *рефлексивность*. Авторы, наряду с универсальными свойствами рефлексивных процессов, свойственными групповой рефлексии, отмечают ряд специфических именно для групповой рефлексивности черт: особая коммуникативная и ролевая структура рефлексивного процесса, направленность на формирование положительной групповой идентичности, связь с феноменами лидерства, социального влияния, групповыми защитными механизмами. В этом понятии вновь отчетливо выступает субъектность нового типа, поскольку групповая рефлексивность осуществляется именно коллективным субъектом. Функции групповой рефлексивности во многом схожи с функциями рефлексии индивидуальной с поправкой на групповой характер процесса: адаптация к изменениям, подготовка к разным формам совместной активности, формирование представлений о других группах и своем положении в системе социальных отношений, поддержание позитивной групповой идентичности и образа «Мы», а также формирование коллективной памяти группы и совместно видения будущего. Безусловно, все эти процессы, в свою очередь, имеют свою групповую специфику и несводимы к простой сумме индивидуальных активностей, представлений, идентичностей и т.д.

Факторы, влияющие на способность группы к рефлексии, как и в предыдущем случае (с отношением ко времени), изучаются на различных уровнях: личностном, межличностном, групповом, межгрупповом и организационном. Здесь мы тоже можем видеть интегративность и сложное внутреннее устройство понятия.

Важной особенностью групповой рефлексивности оказывается обеспечение способности группы к научению, поскольку рефлексия предполагает способность к анализу своей деятельности и готовность использовать результаты анализа в дальнейшей деятельности. И здесь понятие *групповой рефлексии* сближается с понятием *групповое отношение ко времени*.

Как уже упоминалось, коллективная память является как одним из условий осуществления рефлексии, так и результатов ее действия. В статье «*Понятие коллективной памяти: история и современность*» Т. П. Емельяновой представлен анализ понятия «коллективная память».

Понятие коллективной памяти также носит междисциплинарный характер. Ее изучением занимались и занимаются историки,

философы, политологи, социологи, культурологи, что может даже приводить к методологической неопределенности, размытости феномена между различными науками, подходами, концепциями. Автор указывает, что феномены коллективной памяти настолько многолики, что с трудом поддаются единому теоретическому описанию.

Еще одна проблема при изучении коллективной памяти — существование в научном дискурсе нескольких близких понятий, имеющих различную онтологию и институциональный статус: *историческая память, коллективная память и массовая память*. Т. П. Емельянова отмечает, что они самостоятельны, но взаимосвязаны. Эта особенность понятия «коллективная память» также вполне отвечает образу современного понятия — динамичности, включенности в общую сеть понятий, объединяющих не только различные психологические конструкты, различные отрасли одной науки, но и различные области научной деятельности. Для конструкта коллективной памяти характерна также контекстуальность содержания, делающая память феноменом подвижным, изменчивым и динамичным.

Автор указывает на особенности коллективной памяти, отличающие ее от индивидуальной. Так, при сохранении общей логики развертывания мнестической деятельности коллективная память отличается тем, что субъект запоминания и субъект воспроизведения могут относиться к различным поколениям, принадлежать к разным историческим эпохам.

В статье анализируются механизмы коллективной памяти и ее характерные особенности. Так, коллективная память должна создавать непротиворечивую, когнитивно целостную и прегнантную картину событий и в то же время формировать нравственно благоприятный образ прошлого, соответствующий моральным требованиям текущего времени. И автор указывает, что анализ интерпретаций событий в различные исторические периоды мог бы дать материал для исследования динамики нравственного идеала в истории человечества. Среди специфических механизмов коллективной памяти важное место занимает умалчивание событий, феномен запаздывающей в актуализации памяти. Характерны для коллективной памяти также эффекты психологической дистанции воспоминания, поколенческого ресурса и др.

Т. П. Емельянова предлагает операционализировать коллективную память именно в рамках социальной психологии, исходя из методологии психологической науки. Однако такой подход, безусловно, использует многочисленные наработки, сделанные специалистами в рамках других научных дисциплин.

Общая модель коллективной памяти на базе социальной психологии еще только намечается, однако основные факторы, механизмы и процессы коллективной памяти интенсивно изучаются. Особое значение имеет здесь кросс-культурность, изучение коллективной памяти стран и народов, автором подчеркивается необходимость изучения коллективной памяти россиян в силу особого контекста ее существования.

Так, понятие «коллективная память» отвечает критериям современных понятий: изменения и расширения содержания понятия, включения базовых конструкторов в их неразрывном единстве, динамичности, подвижности, важности субъектного компонента.

Исследование социально-психологической тематики невозможно без понятия психологического воздействия. В своей статье «*Понятие „психологическое воздействие“*» В. В. Латынов отмечает трудность исчерпывающего определения этого понятия и предлагает собственный взгляд на его содержание. Он также говорит о том, что понятие «психологическое воздействие» включает понятия более низкого уровня, основными из которых являются: субъект воздействия, объект воздействия, сфера воздействия, средства воздействия, контекст воздействия. Это характерная черта современных понятий, которые интегрируют в себе несколько понятий более низкого уровня. Рассматривая историю изучения психологического воздействия, автор утверждает, что исходная, «традиционная» парадигма его исследования рассматривает а) воздействие исключительно как убеждение; б) в качестве метода использует лабораторный эксперимент. Более того, он указывает, что эта парадигма занимает господствующее положение в психологии до сих пор. Проследив судьбу этого понятия в науке, В. В. Латынов отмечает, что исследования в рамках упомянутой парадигмы приводили к противоречивым результатам. Это заставило ученых перейти от лабораторных экспериментов к исследованию воздействия в реальной жизни. Также он отмечает усложнение концептуальных оснований исследования психологического воздействия и расширение круга изучаемых феноменов, т. е. даже при отмечаемом методологическом консерватизме в этой области происходит движение в том же направлении, что было указано нами ранее, — в сторону расширения содержания, интегративности, сложности, динамичности используемых понятий. Для современной психологии воздействия характерно также движение в сторону признания ведущей роли субъектности в воздействии, причем как со стороны собственно субъекта, так и со стороны объекта воздействия. Об этом свидетельствует формулирование положения о двух спосо-

бах обработки информации, один из которых предполагает активное размышление человека над поступившей информацией и сопоставление с его собственными убеждениями и знаниями; также внимание ученых привлекает роль характеристик как субъекта, так и объекта воздействия в эффективности воздействия. В перспективе возможности психологии воздействия могут применяться в условиях цифровых медиа, виртуального пространства; возможности персонализации воздействия требуют тесного взаимодействия с исследованиями в области психологии личности и т. д., т. е. это понятие тоже носит выраженный междисциплинарный характер.

Понятие совместного творчества рассматривается в статье «*Совместное творчество: феномен и понятие психологической науки*» Т. В. Галкиной и А. Л. Журавлева. Подобно феноменам памяти и рефлексивности, понятие творчества долго было предметом изучения в качестве индивидуального феномена. Однако логика развития науки и общественной жизни (практические нужды) привела к необходимости исследования группового творчества и социальной креативности. Исторически интерес к совместному творчеству связан с интересом к эффективности групповой деятельности в целом. Необходимо отметить, что именно в отечественной традиции впервые было начато изучение не только искусственных лабораторных общностей, но и реальных групп людей, решающих общую задачу (работы В. М. Бехтерева, М. В. Ланге).

Авторы отмечают комплексный характер проблемы совместного творчества и необходимость усилий специалистов из многих отраслей научного знания для ее успешной разработки: философии, психологии творчества, социальной психологии, психологии общения, социологии, экономики, лингвистики.

В статье подчеркивается тесная связь творчества с рефлексией, исходя из положения о дополнительности и континуальности взаимодействия в творческом мышлении интуиции и рефлексии как взаимодополняющих компонентов саморегуляции творческого процесса. Роль рефлексии в совместном творчестве крайне важна — именно ее работа приводит к развитию и группы, и личности в группе в процессе совместного творчества. Она может способствовать повышению эффективности совместного творчества, отражая и обрабатывая опыт группы.

Авторы подчеркивают, что изучение совместного творчества не может быть ограничено только малыми группами и требует исследования на различных уровнях анализа: внутригрупповом, межгрупповом, социальном.

Таким образом, понятие совместного творчества также обладает междисциплинарностью, сложными и динамичными связями с другими понятиями и областями психологии, расширяется его тематическое поле, интегрируя исследования из различных областей.

Раздел 4. Разработка понятийного аппарата в экономической психологии

Следующий раздел книги посвящен экономической психологии. Эта отрасль психологии по своей сути междисциплинарна, возникнув на стыке психологии и экономики, разделяя также предметное поле с социологией, историей и т. п. Авторы статьи *«Понятие вторичной экономической социализации в развитии современной экономической психологии: попытка концептуализации»* Т. В. Дробышева и А. Л. Журавлев указывают на то, что рассматриваемое ими понятие является разделом одновременно экономической психологии и поведенческой экономики. Понятие экономической социализации (ЭС) аналогично уже рассмотренным понятиям коллективной памяти, психологического воздействия и др., имеет размытое предметное поле. Как отмечают авторы, результаты изучения экономического сознания и поведения часто относят к самым разным разделам экономической психологии или поведенческой экономики, а взгляды психологов и экономистов на природу изучаемого феномена, его структуру, критерии, механизмы и факторы его развития серьезно различаются. То же можно сказать и о представителях различных подходов в рамках самой экономической психологии, авторы упоминают парадигмальный конфликт между социологической и психологической ветвями социальной психологии. В этой ситуации концептуализация понятия «вторичная экономическая социализация» позволит объединить эти результаты для более полного, системного, целостного описания и понимания существующих феноменов. Задачи, поставленные авторами – выявить границы предметной области первичной и вторичной экономической социализации, экономической ресоциализации, ограничить содержание и определить объем понятия «вторичная экономическая социализация», уточнить смысл определяемого понятия. Возможно, в свете рассматриваемых особенностей современных понятий (широкое предметное поле, междисциплинарность, антиномичность, динамичность) эти задачи не удастся реализовать с той строгостью, которая была принята до эпохи постмодернизма. Однако это не означает, что такие задачи не надо ставить.

Авторы выделяют критерии дифференциации вторичной ЭС – ведущая роль значимых Других и устойчивость конструируемой картины мира экономических отношений в процессе первичной ЭС по сравнению с вторичной ЭС. Выделяют критерий психологической готовности человека перейти от первичной к вторичной ЭС – сформированность личностных качеств, знаний и навыков, свидетельствующих о способности эффективно и компетентно функционировать в экономической среде.

По мнению авторов, в процессе вторичной ЭС происходит интернализация нового экономического знания, опыта, элементов культуры, образцов поведения и последующая адаптация личности к изменившимся социально-экономическим условиям. Отграничивая вторичную ЭС от экономической ресоциализации, авторы выдвигают критерий наличия (в случае ресоциализации) или отсутствия (в случае ЭС) кардинальной трансформации экономического сознания, поведения и т. п. в кризисной ситуации, характеризующейся резким изменением социально-экономических условий жизни.

Таким образом, в понятии «вторичная ЭС» можно выявить черты междисциплинарности, интегративности, тенденцию к изменению и уточнению предметного поля понятия. Понятие вторичной ЭС можно также рассматривать как интегрированное понятийное образование, тяготеющее одновременно к двум узловым метапонятиям – субъекта (поскольку именно он оказывается носителем и реализатором ЭС) и коллективного субъекта, поскольку ЭС осуществляется только в обществе в соответствии с групповыми нормами и правилами, ценностями и идеалами, ресурсами и т. д.

Результатом вторичной ЭС является включение человека в экономическую жизнь общества. Одной из форм такого включения является предпринимательство. Являясь первоначально экономическим феноменом, предпринимательство в последние десятилетия привлекло внимание психологов. Как отмечает в своей статье *«Предпринимательство как феномен и понятие социальной психологии»* В. П. Позняков, предпринимательство – сложный многокомпонентный феномен, в котором переплетаются экономические, социальные и психологические стороны. Таким образом, психологическое понятие предпринимательства также оказывается междисциплинарным по сути, его психологическую составляющую трудно понять без учета экономических и социальных сторон, и наоборот.

Идея субъектности также заложена уже в словарном определении этого понятия: предприниматель – тот, кто совершает некоторое инициативное действие, проявляет активность в условиях не-

полной информации об условиях и успешности этой активности. Следовательно, понятие предпринимательства строится на существенных качествах субъекта – активности и способности к выбору. Однако, поскольку не любой человек может и хочет стать успешным предпринимателем, в психологии возникает интерес к поиску особых психологических качеств, способствующих успеху предпринимательства (что и является, с точки зрения автора, главной задачей психологии предпринимательства). Среди основных направлений изучения психологии предпринимательства – исследование мотивации предпринимательства, локуса контроля, отношения к риску, установки на позитивное отношение к миру, надежды, когнитивных механизмов деятельности в условиях неопределенности. В. П. Позняков отмечает, однако, существующую в западных исследованиях предпринимательства центрацию на личности предпринимателя при отсутствии исследований социально-психологических аспектов предпринимательства. В этом плане отечественные исследования предпринимательства, изначально задуманные и реализованные в рамках социальной психологии, удачно дополняют формирующееся психологическое понятие предпринимательства. В работе описан цикл авторских исследований психологии предпринимательства, теоретически основанных на концепции психологических отношений предпринимателей (подробнее см.: Журавлев, Позняков, 2012; и др.). Отношения рассматриваются как субъективное отражение в сознании субъектов изменяющихся условий и содержания их экономической деятельности, при этом оно субъективно-оценочно и избирательно, т. е. носит субъективный характер. Результаты исследования вносят вклад не только в психологию предпринимательства, но и в развитие теории психологических отношений, что подтверждает междисциплинарный характер этого понятия. Психологические отношения представлены на разных уровнях анализа их субъектов (личностные, межличностные, межгрупповые), что позволяет исследовать феномен предпринимательства также на разных уровнях. Исследованы многие стороны, характеристики, факторы, условия предпринимательства, что дает возможность психологам, сохраняя и углубляя психологическое содержание этого понятия, использовать полученные знания в междисциплинарных взаимодействиях.

Тесно связано с понятиями вторичной экономической социализации и предпринимательства понятие «экономическая самореализация». Вторичная ЭС представляет собой необходимое условие, предпринимательство – один из возможных вариантов, а экономическая самореализация может быть более общим понятием, охва-

тывающим различные варианты социальной активности личности в форме экономической деятельности. Этому понятию посвящена статья Д. А. Китовой «*Экономическая самореализация субъекта жизнедеятельности: теория, методология, практика*». Автор подчеркивает субъектность экономической деятельности, реализующуюся как потребность в экономическом обеспечении, которая, в свою очередь, является источником социально-экономической активности человека. Экономическая самореализация тесно связана с понятием субъективного экономического благополучия, которое будет рассматриваться в следующей статье – В. А. Хащенко. Понятие экономической самореализации также является междисциплинарным, находясь на пересечении психологии, экономики, социологии. Автор анализирует экономическую жизнедеятельность личности в России в историческом аспекте, а также исследует современные экономико-психологические проблемы семейной экономики, наемного труда и предпринимательства (основных форм экономической деятельности человека). Определяя и наполняя понятие экономической самореализации субъекта жизнедеятельности психологическим содержанием, автор рассматривает различные психологические концепции экономической деятельности человека, осмысливает взаимосвязь человека как субъекта экономической жизнедеятельности и общества в целом. Акцент в рассмотрении этого понятия сделан на индивидуальной реализации человека в экономике, что соответствует принципу субъектности.

Как уже упоминалось, с экономической самореализацией субъекта тесно связана тема субъективного экономического благополучия. Она рассмотрена В. А. Хащенко в статье «*Субъективное экономическое благополучие как психологический феномен и категория экономической психологии*». Понятие субъективного экономического благополучия (СЭБ) также является междисциплинарным и тесно связано с рядом понятий из смежных областей знания – благосостоянием, уровнем жизни, нормативом материальной обеспеченности, доходом, качеством жизни, экономическим самочувствием, а также включено в более общие психологические категории – *субъективное благополучие, общая удовлетворенность жизнью и субъективное качество жизни*. СЭБ имеет сложную структуру и состоит из отдельных видов экономического благополучия (имущественное, финансовое и др.). При этом элементы его структуры образуют внутреннюю иерархию от отдельных индикаторов, оценок, эмоциональных состояний через базовые, обобщенные компоненты – *экономическая тревожность, экономический пессимизм* и т. п. к интеграции в два наиболее обобщенных компонен-

та: *оценка уровня жизни и эмоциональное благополучие в экономической области*. Помимо этого, оно обладает многомерностью или множественностью проявлений, которые В. А. Хашенко обозначает как модулы. Они крайне разнообразны: хронологический, ценностно-смысловой, материальной обеспеченности, объектный, потребностный, идентификационный, стратификационный, субъектный, морально-нравственный, личностной атрибуции. Сформулированные автором признаки СЭБ в достаточной мере совпадают с признаками современных понятий — *субъективность, гетерогенность, интегрированность*, помимо этого — *глобальность, социальность, прогностичность, ценностно-смысловая направленность* и др., что также является характерными чертами постмодернистского знания. Множественность функций СЭБ отражает его интегративный характер и имплицитную включенность в понятие СЭБ многих базовых понятий — это *функции регуляции, адаптации, управления когнитивными процессами, манипулятивная, символическая, информационная* и др.

Раздел 5. Психология труда и организационная психология: анализ современных понятий

Этот раздел освещает некоторые понятия организационной психологии, которые тесно связаны с понятиями, рассмотренными в предыдущих разделах, что соответствует сетевой парадигме соотношения современных понятий.

Например, в статье «*Субъективное качество жизни: подходы, измерение*» Т. Н. Савченко и Г. М. Головина рассматривают конструкт, тесно связанный с понятием субъективного экономического благополучия, проанализированным в статье В. А. Хашенко. Здесь тема субъективного благополучия рассматривается более широко. Как отмечается в статье, понятие «качество жизни» может претендовать на статус новой междисциплинарной научной категории. Оно является многомерной динамической характеристикой, и содержание его объединяет представления и результаты, разрабатываемые в рамках не только и не столько психологии, но и медицины, экономики, социологии, экологии. Столь широкое дисциплинарное поле способствовало появлению множества понятий, близких по содержанию, сравнительный анализ которых авторы проводят в статье: *психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, счастье, субъективное качество жизни*. В статье отмечается тенденция к сближению этих понятий в последние годы, что позволит, скорее всего, объединить их в единую категорию.

Авторы рассматривают различные подходы и модели качества жизни, разработанные отечественными и зарубежными учеными, предлагают на их основе собственный подход к оценке качества жизни. Качество жизни определяется как система интегральных показателей, включающая объективные и субъективные параметры. Субъективное качество жизни, являясь его компонентом, определяется как степень соответствия реальных ценностных структур различного уровня идеальным в представлении респондентов. Субъективное качество жизни выполняет смыслообразующую функцию и определяет цели дальнейшего развития. Субъективная оценка качества жизни включает эмоциональный (аффективный), когнитивный и ценностно-побудительный компоненты психики. Данное понятие оказывается многомерным, динамичным и сложно структурированным, включающим многие базовые психологические категории в качестве своих подструктур.

В статье также представлен обзор существующих инструментов оценки качества жизни, удовлетворенности жизнью и психологического благополучия. На основе сопоставления данных различных методик показано, что их результаты в значительной мере коррелируют между собой, что свидетельствует о сходстве измеряемых конструктов. Авторы предполагают, что связующим звеном может служить параметр удовлетворенности жизнью, включенный в структуру и субъективного качества жизни, и психологического благополучия.

Таким образом, можно наблюдать сам процесс становления нового понятия, формирующегося на основе имеющихся в различных науках категорий, изучаемых в рамках близких, но различных подходов.

Понятие организационного лидерства является новым в современной психологии. Оно анализируется в статье *А. Н. Занковского* «*Организационное лидерство*». Как указывает автор, хотя организации как явление в последние десятилетия стали играть важнейшую роль в развитии человечества, однако сам феномен организации как большой группы, к тому же специфической даже среди больших групп, до сих пор недооценен. Автор отмечает также недооценку роли теории в данной отрасли психологии. Закономерности, полученные при изучении малых групп, переносятся на большие, а большие группы, в свою очередь, разнородны. В статье систематизируются отличия организации от группы, это различия в базовых процессах обеспечения совместной деятельности, характере и средствах взаимодействия, характере взаимозависимости лидера и других участников, степени общности интересов, характере целеполагания и степени значимости цели для участников, характере регуляции, природе обусловлен-

ности характеристик лидера. Автор предполагает, что базовым системообразующим процессом в организации в отличие от группы выступает власть, которая обеспечивает ее устойчивое существование и функционирование. Отметим, что власть предполагает влияние, следовательно, воздействие, что сближает проблематику лидерства (организационного и не только) с проблематикой психологического воздействия, рассмотренной в статье В. В. Латынова. Еще одно существенное отличие организации от группы состоит в том, что цели организации могут в разной степени не совпадать с личными целями членов организации, в то время как в группе цель одинаково важна для всех ее членов и лидер ставит цели, непосредственно связанные с интересами членов группы. В организации именно власть становится инструментом, позволяющим сделать цели организации целями индивида. Автор приходит к выводу, что организационное лидерство детерминировано в значительной степени определенными ценностными ориентациями лидера, нравственным содержанием и природой целей, которые лидер ставит перед последователями. Если они исходят из общечеловеческих ценностей, это обеспечивает совпадение общих целей с индивидуальными целями сотрудников и потребителей. Таким образом, личностный аспект лидерства, изучение ценностно-нравственной сферы лидерства выходят на передний план. Здесь вновь ярко выступает интерес к субъекту как человеку, чьи поступки определяются нравственно-ценностными ориентациями. Само понятие организационного лидерства находится на пересечении различных дисциплин – социальной психологии, психологии труда, поведенческой экономики, социологии, вычлняя при этом собственно психологическую составляющую в этом понятии, и разрабатывается оно с точки зрения психологических механизмов, обеспечивающих организационное лидерство.

С иной стороны жизнь организации исследуется в статье В. Б. Рябова «Субъективное качество трудовой жизни». Понятие качества трудовой жизни также оказывается междисциплинарным. Изначально оно появилось не в психологии, а в теории и практике организационного управления и было результатом попыток вовлечения работников организации в трудовой процесс через взаимодействие рабочего коллектива и администрации. (Понятие качества трудовой жизни, таким образом, так же, как и понятие организационного лидерства, раскрывает процессы, происходящие в организации, но со стороны работников, а не лидеров организации). Автор отмечает существование двух точек зрения на качество трудовой жизни: одна учитывает только потребности работников, а другая – ставит задачу согласо-

ния интересов работников и организации. Их можно рассматривать как качество трудовой жизни в узком и широком смысле.

Автор постулирует также фрактальность модели субъективного качества жизни, т. е. структура ее аналогична структурам моделей качества жизни в отдельных сферах, в том числе в трудовой. Он предлагает выделять субъективное качество трудовой жизни (КТЖ) (специфичное для конкретного человека и ситуации) и объективное КТЖ (усредненное на определенной выборке), а также индивидуальное КТЖ, контингентное КТЖ (средние оценки индивидуального КТЖ определенной группы работников) и КТЖ организации. Все эти оценки строятся на основе субъективного КТЖ. Оно, в свою очередь, содержит рациональный (когнитивный) и эмоциональный (аффективный) компонент, подобно оценке субъективного качества жизни. На основе этих критериев с учетом факторов, влияющих на отношение к труду и удовлетворенность трудовой деятельностью, предлагается нормативная модель субъективного КТЖ. На основании модели КТЖ можно повысить КТЖ организации путем согласования интересов работников и руководителей. Инструментом решения этой задачи оказывается когнитивная карта, т. е. специальная программа, которая учитывает многочисленные ситуационные факторы (в том числе оценки КТЖ персонала и организации) и причинно-следственные связи и позволяет прогнозировать дальнейшее развитие ситуации. В статье также рассмотрен пример управления КТЖ организации с использованием когнитивной карты.

Проблема качества трудовой жизни перекликается с темой субъективного качества жизни в целом, с проблематикой организационного лидерства, с теорией управления, менеджмента.

В статье *А. А. Обознова, Ю. В. Бессоновой «Психология безопасности деятельности»* показана логика изучения психологической составляющей безопасности деятельности на протяжении более чем столетнего периода ее научного анализа. Отмечается, что одной из важных предпосылок изучения этого вопроса является принятие исходной аксиомы о потенциальной опасности как универсальном свойстве взаимодействия человека со средой обитания. Прослеживая историю развития взглядов на психологию безопасности деятельности, авторы статьи показывают, как в процессе проведения научных исследований и практического анализа предпосылок аварий, менялось представление о безопасности деятельности. История исследований в этой области науки подтвердила, что «личный фактор» травматизма, т. е. индивидуальные и врожденные качества работника, не следует рассматривать в качестве главной причины нарушения безопас-

ности деятельности, его необходимо изучать в комплексе с другими переменными: особенностями мотивации, успешностью профессиональной подготовки, эргономическими условиями деятельности и др. В статье подчеркивается важность различения понятий личного и человеческого факторов в оценке ошибочных действий человека при его взаимодействии с техникой, значимость анализа психологии безопасности деятельности в аспекте разработки проблемы культуры безопасности и ее ключевой составляющей — *отношения человека к безопасности*. Рассмотрение различий в отношении человека к безопасности деятельности, а также обсуждение последствий пассивно-реагирующего или активно-упреждающего отношения к безопасности показывает актуальность и значимость разработки проблемы безопасности деятельности в психологии.

Понятия, используемые для описания фундаментальной задачи исследования, ее теоретического обоснования, для объяснения выявленных зависимостей и формулировки выводов, успешно применяются не только для проведения методологического и теоретического анализа проблемы, но и для обозначения актуальных вопросов практики. Строгое разделение понятий на относящиеся к фундаментальной и прикладной психологии вряд ли было бы уместно (Грязнов, 2002; Пружинин, 2005). С одной стороны, подобная дифференциация, скорее всего, привела бы к отрыву фундаментальной науки от насущных проблем, которые стоят перед обществом и нуждаются в квалифицированной оценке и профессиональном решении, к абсолютизации научного знания. С другой стороны, табу на использование практиками терминов и понятий «высокой науки» создавало бы препятствия на пути систематизации и обобщения отдельных случаев, лишало бы специалистов возможности разрабатывать программы и технологии, направленные на решение типовых задач (Журавлев, Ушаков, Юревич, 2015; Лекторский, 2017; Лекторский, Швырев, 1981; Мамчур, 2011).

Отнесение некоторых понятий к области прикладной психологии указывает лишь на то, что в контексте обозначаемых ими сфер человеческой деятельности, возникает достаточно много актуальных проблем, которые требуют своего рассмотрения в связи с формулировкой конкретного социального запроса.

Раздел 6. Понятия в прикладной психологии

В представленных в последнем разделе книги статьях анализируются понятия, которые используются для формулировки разного

рода запросов и даже образуют целую систему, включающую *глобальную психоманипуляцию, психологическое состояние общества конфликт, психологическое проектирование*. Можно с уверенностью утверждать, что манипуляция сознанием целых групп людей в определенной мере влияет на психологическое состояние общества, на психическое и физическое здоровье населения, а нарастание напряжения, чувство несвободы, подозрительность создают благодатную почву для появления внутриличностных, межличностных и межгрупповых конфликтов. Владея научно обоснованным знанием и понимая поставленные перед ним задачи, специалист способен осуществлять проектирование среды и ситуаций (в том числе психологическое проектирование) для преобразования социальной действительности с целью реализации ценностей и жизненных интересов отдельных индивидов и групп населения, тем самым предотвращая возможные конфликты и манипуляцию, в определенной мере влияя на психическое состояние людей средствами индивидуального, группового, организационного, макропсихологического психологического проектирования.

Относительно новой предметной областью научного исследования является тема психологической манипуляции, которая в современном мире обнаруживает себя в новых целях, формах, методах, приемах воздействия. Подчеркивая значимость исследований, посвященных проблеме влияния информации и дезинформации на личность, в том числе на малые и большие группы, *А. А. Гостев в статье «Глобальная психоманипуляция»: в поисках содержания понятия»* рассматривает эту проблему в ином масштабе. Приводятся данные о том, что в современном мире информационное воздействие оказывается на большие общности людей с целью управления социальным восприятием, изменения отношения к прошлому (к историческим событиям) и будущему. Автор последовательно раскрывает содержание механизмов такого воздействия, выявляет предпосылки появления подобных наднациональных факторов влияния, доказывает, что психологическая составляющая этого процесса обнаруживается как в методах воздействия, так и в мишенях (особенностях объектов) этого воздействия. Глобальная психоманипуляция как понятие используется для обозначения масштабного процесса, включающего процедуры прямого и косвенного влияния, методы подачи информации и дезинформации, приемы, направленные на транслирование ложной информации с целью ее восприятия потребителями как истинной. В статье описываются основные сферы и каналы глобальной психоманипуляции, прогнозируется расши-

рение их границ, оцениваются человеческие, государственные и мировые ресурсы, необходимые для защиты от глобального манипулирования сознанием людей. Очерченный круг проблем позволяет сделать вывод о возможности рассмотрения глобальной психоманипуляции в качестве самостоятельного научного понятия.

Развитие современных методов и технологий, стремление к исследованию социальных и общественных процессов допускает изучение психического состояния не только отдельных индивидов, групп людей, но и проведение анализа психологического состояния общества. Этой проблеме посвящена статья *А. В. Юревича «Психологическое состояние современного российского общества: новые тенденции»*. Определяя предмет исследования, автор обозначает его новым понятием, объясняя этот факт тем, что психологическое состояние общества является одним из основных объектов изучения в рамках макропсихологии – психологического изучения глобальных социальных явлений, затрагивающих интересы всего общества, которое развивается в Институте психологии РАН (Макропсихология..., 2009; и др.). Для изучения динамики психологического состояния общества используется композитный индекс, в свою очередь включающий индекс психологической устойчивости личности и индекс социально-психологического благополучия общества, каждый из которых рассчитывается на основе трех первичных показателей. Представлены данные психологического состояния российского общества за период с 1991 по 2017 г., которые сопоставляются с результатами других исследований – социологических и социально-психологических. Интерпретация изменения психологического состояния российского общества в течение более чем 25 лет дается в соответствии с социально-экономическими и политическими событиями, которые произошли в стране и в мире. Неравномерный характер изменений отдельных показателей, входящих в композитный индекс, объясняется разными причинами, в том числе латентностью, кумулятивным или отсроченным эффектом влияния отдельных событий. В статье сделан вывод о том, что социальные процессы отражаются на психическом состоянии граждан, которое в последующем может приводить к серьезным соматическим проблемам. Исследование психологического состояния общества открывает возможности для анализа психических процессов на уровне больших групп и обществ, а также для проведения комплексной оценки динамики этих процессов, в том числе для решения сугубо практических задач.

Для социальной психологии большое теоретическое и практическое значение имеет проблема конфликта, содержание и исто-

рия разработки которой раскрываются в статье *В. А. Соснина «Конфликт как объект и предмет исследований современной психологии»*. В отличие от многих других категорий понятием конфликта принято обозначать самые разные явления, выделять, например, признаки и особенности деструктивных и конструктивных проявлений конфликта. Отдельное внимание уделяется социально-психологической характеристике конфликта, описываются разные подходы к объяснению феномена конфликта в социальной и организационной психологии. Подробная характеристика функций, причин, последствий конфликта, понимаемого как социально-психологическое явление, способов его разрешения указывает на необходимость дифференциации разных типов конфликтов с целью проведения глубокого теоретического анализа проблемы и поиска путей решения практических и прикладных задач. Прикладное значение проблемы конфликта раскрывается на примере проведения переговоров. С целью сопоставления понятия конфликта с другими концептами автор статьи перечисляет близкие по смыслу понятия – противоречие, конкуренция и др.

Проблема развития науки, в том числе специализированных областей знания, рассматривается в статье *А. А. Грачева «Психологическое проектирование как основа прикладной психологии»* в связи с обсуждением актуальной темы проектирования (социального, социотехнического, гуманитарного). Обосновывается понятие психологического проектирования как проектирования по критериям жизненных интересов человека с использованием психологического знания. Обсуждение проблемы психологического проектирования, определение конкретных задач, предметной области исследования показывает, что формирование прикладного уровня знания невозможно без разработки методологии его становления и развития. В рамках ключевой проблемы исследования формулируется целый перечень задач, связанных с определением субъекта и объекта проектирования, цели и форм проектирования, с оценкой его содержания и эффективности. В настоящей статье основное внимание уделяется анализу объекта и уровней, целей и форм проектирования. Отмечается, что при решении прикладных задач в области гуманитарного проектирования прикладная психология изучает человека в контексте его жизнедеятельности. Кроме анализа уровней психологического проектирования (индивидуального, группового, организационного, макропсихологического), рассматриваются естественно-научный и гуманитарный подходы в психологическом проектировании и их формы – технологии и сценарии. Показаны особенности про-

ектирования на каждом уровне в соответствии с моделью жизненных ориентаций (на удовольствие, самореализацию, духовное развитие). Существенный акцент сделан на анализе проблемы объекта психологического проектирования — терминального образа как регулятора поведения человека в разных жизненных средах и в соответствии с различными жизненными ориентациями.

* * *

Подводя итог анализа, представленного во втором томе «Разработка понятий в современной психологии», сравним особенности этих понятий с выделенными в первом томе издания. Несмотря на то, что во втором томе было представлено больше понятий (28, а в первом томе 21) и понятия этого тома в большей степени были отраслевыми, они характеризуются теми же закономерностями в понимании и представлении (описании) предмета анализа, что и в предыдущей части труда.

Все авторы рассматривают историю возникновения, истоки образования понятий, концептуализируют и структурируют их содержание, определяют место понятия в системе современной психологической науки. Однако каков критерий образования нового понятия? Напомним определение критерия выделения понятия, приведенное в первом томе данного коллективного труда.

Н. В. Богданович (2005) выделяет следующие критерии категориального статуса понятия на основе обобщения разных подходов в отечественной психологии.

Первый критерий категорий состоит в несводимости к другим и невыводимости из других (М. Г. Ярошевский). Авторы достаточно подробно обосновали данный критерий. Были дифференцированы выделенные понятия и показано их современное содержательное наполнение. Все проанализируемые понятия не выводятся из других и не сводятся к другим.

Второй, методологический критерий — категория должна быть связана с основными принципами науки и ее предметом. В статьях авторов обоснованы основные методологические принципы психологической науки. В большинстве случаев это принципы системности и субъектности. Кроме того, следует подчеркнуть, что понятия в разных разделах (общетеоретическом, отраслевых разделах и прикладном) опираются на фундаментальные методологические принципы и деление их скорее традиционное. Они отражают общепсихологический фундамент психологической науки, тесно с ним взаимосвязаны. Пересечение тематических полей общепсихоло-

гических и отраслевых понятий указывает на их методологическое единство и отнесенность к метакатегориям индивидуального и коллективного субъекта.

Третий критерий — систематизированности (Б. Ф. Ломов) — состоит в том, что категории должны состоять в определенном соотношении друг с другом. Вводя новые категории в современную психологию, авторы данного труда указывают на системный характер отношений понятий, интегрированность их составляющих.

Наконец четвертый критерий — принципообразующий: каждая категория должна выдвинуть новый принцип науки. Этот критерий не применим к выделенным новым понятиям. По-видимому, во-первых, мы рассматриваем понятия, а не категории. Во-вторых, новые складывающиеся концепты в научной системе не сразу могут вызвать появление принципов, для этого требуется достаточно значительный эволюционный этап в их развитии. Как было показано, принципообразующий критерий применим к рассмотренным нами в первом томе метапонятиям: индивидуальному и коллективному субъекту. Данные метапонятия не только отвечают всем трем предыдущим критериям категории, но и образуют, по нашему мнению, принципы психологической науки.

На рисунке 1 представлена схема взаимосвязей выделенных понятий, показывающая, что и данная их часть образует понятийную сеть. В данную схему, кроме рассмотренных в этом томе понятий, включены понятия *индивидуального* и *коллективного* субъекта, которые нами были выделены как метапонятия в понятийной сети. Как показано на рисунке 1, понятия *индивидуального* и *группового* субъекта «стягивают» все представленные понятия сетью взаимосвязей. При этом в данном томе явно приведены понятия, которые раскрывают метапонятия, не теряя своей специфики. Так, понятия *групповой* рефлексии, *группового* отношения ко времени, *коллективной* памяти включают в себя психологические феномены именно *коллективного* субъекта, представляя интегративные понятия, образующие тесные взаимосвязи с более частными понятиями: *психологическое воздействие*, *нравственная элита*, *совместное творчество*. С *индивидуальным* субъектом взаимосвязаны такие общетеоретические понятия, как *понимание*, *ментальные ресурсы*, *когнитивные ресурсы*, *эмоциональный интеллект*, которые, в свою очередь, образуют взаимосвязи с более частными понятиями. Данная схема подтверждает высказанное в первом томе предположение, что понятийная сеть имеет некоторую иерархическую структуру, в которой могут быть выделены метапонятия, задающие основу сетевой структуры, и уз-

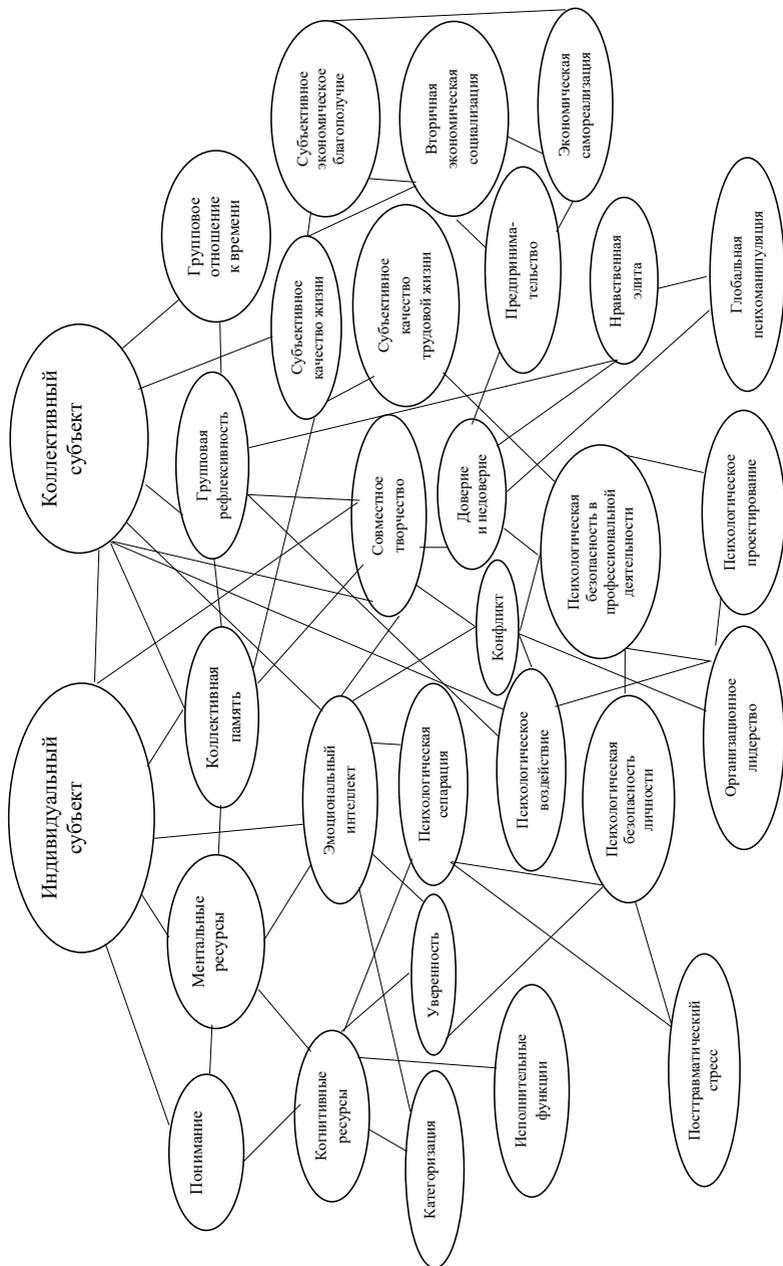

Рис. 1. Сеть понятий, представленных в данной книге

ловые понятия, образующие более тесные взаимосвязи. Так, например, понятия *субъективное качество жизни, субъективное качество трудовой жизни, субъективное экономическое благополучие, психология безопасной деятельности, психологическая безопасность, экономическая самореализация и вторичная экономическая социализация* составляют сопряженные понятия, образуют более плотные связи. Представляется, что идея сетевой организации требует дальнейшего глубокого анализа и выделения метапонятий, общих, частных понятий и закономерностей образования узлов. Кроме того, идея сети включает и идею творца, созидающего свой тип сети и ее мерность.

Попытки анализа понятий в современной психологии имели своей целью выделить их отличительные черты. В предыдущей работе были выделены четыре основные характеристики современных понятий. Если основания выделения были корректны, то и в текущем анализе они должны подтвердиться.

Первая особенность современных понятий – это их интегративный и междисциплинарный характер. Это характеристика в полной мере (без исключений) относится как к рассмотренным в данном томе общетеоретическим понятиям *ментальных ресурсов, когнитивных ресурсов, эмоционального интеллекта, исполнительных функций, понимания, уверенности, категоризации*, так и к отраслевым и прикладным понятиям. Все авторы отмечают и показывают сложность и взаимное переплетение различных понятий, образующих сложные интегративные структуры с новыми функциями и содержанием. Приведем только несколько примеров.

Понятие *ментального ресурса*, возникшее на пересечении разных дисциплин, обретает психологическое содержание, интегративный характер, включая латентные базовые психологические концепты (образ, отношение, концептуализация, смысл, значение), сложную системную организацию (включение резервов и взаимосвязь с потенциалом), субъектность понятия – и как принадлежность субъекту (ресурсы субъекта).

Второй пример возьмем из раздела 2 «Социально-психологические понятия». В работе Т. А. Нестика представлен анализ понятия *группового отношения ко времени*. Автор показывает, как междисциплинарное понятие времени преобразуется в индивидуальном и субъектном его понимании в психологии, отходя от объективной трактовки. Отношение ко времени включает ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные и конативные компоненты и базируется на особенностях восприятия, переживания, осмысления и организации времени. Интегративность понятия *групповое отно-*

шение ко времени проявляется в охвате различных компонентов, существовании на разных уровнях. Среди базовых психологических конструкторов, которые имплицитно в него включены: память, образ, рефлексия, ресурс, идентичность и др.

В работе А. А. Грачева раскрывается смысл понятия *психологического проектирования* как междисциплинарного понятия, объединяющего и естественно-научный, и гуманитарные подходы. В нем интегрируются самые общие психологические понятия субъекта, целеполагания, самоофективности, оценки, способностей — все, что позволяет организовать регуляцию поведения человека в разных средах.

Вторая характеристика современных понятий состоит в изменении содержания самого понятия. Это изменение состоит не только в его расширении и его использования в более широком тематическом поле, но и в изменении самого содержания. На материале статей второго тома данное утверждение характерно для всех представленных понятий. Приведем лишь один пример. В работе В. В. Знакова при анализе понятия *понимания* раскрывается возможность рассматривать континуум трех реальностей — эмпирической, социокультурной, экзистенциальной, которым соответствуют три типа понимания: *понимание-знание, понимание-интерпретация и понимание-постижение*. Такое решение не только расширяет понятие *понимания*, но и делает его ключевым для многих областей психологической науки.

Третье отличие современных понятий состоит в ином типе структурной организации. Это уже не отдельные понятия типа образа, мотива, действия и т. п., а сплав в интегрированные понятийные образования, в которых имплицитно представлены многие базовые психологические конструкторы, которые трудно уже эксплицировать как единичные. В рассмотренном примере понятия *понимание* при описании критериев понимания — это смысл и соотношение ожидаемого и понимаемого. В качестве условий понимания автор рассматривает необходимость мышления, мнемических функций, процессов прогнозирования, символизации, категоризации и других когнитивных процессов, что предполагает и эмоциональное отношение (в диапазоне от понимания эмоций к переживаниям). Данное понятие взаимосвязано фактически со всеми рассмотренными понятиями от метапонятий индивидуального и коллективного субъекта до общетеоретических психологических понятий: ментальных ресурсов, когнитивных ресурсов, модели психического, эмоционального интеллекта и включенных в них понятий, в большей сте-

пени относящихся к когнитивной психологии: категоризация, уверенность, исполнительные функции, интеллект и мн. др.

Еще одна характеристика современных понятий – это их субъектность. При этом субъектность понятий выступает в двух смыслах: как субъектность разработчика и творца понятийного анализа со своим пристрастным отношением и оптикой анализа психологических феноменов, методологических подходов и их пересечений и как обращение фактически всех авторов к категории субъекта (индивидуального и коллективного), что служит дополнительной основой выделения категорий индивидуального и коллективного субъекта как узловых в понятийной сети уже на материале второго тома коллективного труда.

Подводя итог, подчеркнем, что анализ 21 понятия первого тома, дополненный рассмотрением 28 понятий второго, подтвердил и укрепил наши представления о том, что представленная картина отражает новый этап развития методологии науки, этап метамодернизма, с максимальной пластичностью понятийных полей, сетевым принципом их организации, новым типом построения понятий, нарастающей сложностью, динамичностью, латентностью, антиномичностью, отражая эволюцию как развития психологической науки, так и научного познания в целом.

Система обсуждаемых в этой книге понятий, разрабатываемых сотрудниками Института психологии РАН, отражает современные тенденции развития отечественной и мировой психологической мысли, выступает в качестве обобщения существенных свойств и отношений тех явлений, которые предметно изучаются в общей, социальной и экономической психологии, в психологии личности, психология труда, организационной психологии. Настоящий труд подготовлен усилиями коллектива высокопрофессиональных специалистов, представляющих фундаментальную науку, которая в современных условиях общественного развития чутко реагирует на запросы, идущие от практики. Эта тенденция – сближение фундаментальной науки и прикладных исследований – не сводится ни к переформулированию практических задач, ни к упрощению языка фундаментальной науки, а характеризуются конструированием подходов, принципов и стратегий развития методологических основ специализированного, т. е. прикладного, знания.

Этот аспект развития фундаментального знания, представленного системой научных понятий, акцентирован практически в каждой из опубликованных в настоящем томе статей, а наиболее явно – в статьях, включенных в последний раздел книги, что подтверждает

выход современных исследований, планируемых и реализуемых сотрудниками Института психологии РАН, на передовые рубежи развития науки. Не слияние, а взаимный диалог между фундаментальной и прикладной наукой обогащает психологическое знание и стимулирует развитие понятийного языка науки как способа общения, систематизации, структурирования представлений о психических явлениях, а также средства ведения конструктивных дискуссий по самому широкому кругу вопросов.

Литература

- Абульханова К. А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 1997.
- Богданович Н. В.* Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 58–84.
- Воловикова М. И., Джидарьян И. А.* Развитие идей С. Л. Рубинштейна в исследованиях лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 20–42.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.
- Грязнов Б. С.* Логика, рациональность, творчество. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Гусельцева М. С.* Перспективы развития психологического знания: блеск и нищета прогнозов // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Жу-

- А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская*
равлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 628–670.
- Джидарьян И. А.* Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И.* Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование / Отв. ред. С. К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2016.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 7–17.
- Лекторский В. А.* Зачем нужна сегодня философия? // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 140–143.
- Лекторский В. А., Швырев В. С.* Диалектика практики и теория // Вопросы философии. 1981. № 2. С. 12–24.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Мамчур Е. А.* Фундаментальная наука и современные технологии // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 80–89.
- Мустафина Л. Ш.* Взаимосвязь представлений о совести и копинг-стратегий пожилых людей // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 277–281.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология: Учебное пособие для студ. псих. фак. выс. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2001.
- Пружинин Б. И.* Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 109–120.
- Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Вместо предисловия

Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В., Рубченко А. К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Холодная М. А. Структурно-интегративная методология в исследовании интеллекта // Дифференционно-интеграционная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 469–477.